

Колдовские

Миры

ДВЕ СЕСТРЫ ПРОКЛЯТЬЕ РОДА

ЕЛЕНА МАЛИНОВСКАЯ

Annotation

Непросто в двадцать лет начать самостоятельную жизнь в совершенно незнакомом городе. И намного тяжелее, когда приходится взять на себя заботу о младшей сестре, которую ты почти не знаешь. А тут еще странный сосед угрожает всяческими неприятностями, если ты немедленно не уедешь прочь. Только он пока не знает, с кем связался... Поскольку я, Хлоя Этвуд, никогда не отказываюсь от намеченной цели!

«Две сестры» – новый цикл Елены Малиновской о приключениях Хлои Этвуд, над которой тяготеет проклятье рода.

Елена Малиновская

Две сестры. Проклятье рода

Часть 1

Таинственный сосед

Дом поражал своим размером. Двухэтажный, с мезонином, он угрожающе нависал над моей головой. Придерживая шляпку, чтобы не слетела, я задрала голову и попыталась оценить свои новые владения. Н-да, крыша наверняка течет – вон, даже отсюда заметны прорехи в выцветшей от времени черепице. Окна настолько грязные, что это видно и снаружи. Входная дверь как-то странно покосилась. Боюсь, внутри я обнаружу полную разруху и гнилые полы.

И все же было в этом доме определенное очарование, которое не дало мне пасть духом после первого краткого знакомства. Если закрыть глаза на все эти недочеты, он выглядел весьма величественно в окружении старых разлапистых елей. Наверное, когда-то этот дом был гордостью здешнего городка. Даже сейчас в кронах кустов, нынче бурно разросшихся перед крыльцом, угадывались шедевры топиарного искусства, а среди зарослей сорняков на клумбе я обнаружила несколько роз. Видимо, моя прабабушка в свое время не скупилась на садовника и вкладывала немало денег в поддержание порядка. Интересно, что изменилось сейчас?

– Хлоя, мы тут будем жить? – вывел меня из состояния задумчивости звонкий девичий голосок.

Я вздохнула и с усилием оторвала взгляд от дома. Ласково посмотрела на сестру, которая испуганно жалась к калитке, где неразговорчивый извозчик скинул наши чемоданы.

Анне лишь недавно исполнилось десять, но выглядела она намного младше. Наверное, со стороны мы менее всего походили на сестер. Во-первых, из-за большой разницы в возрасте – я была старше Анны ровно вдвое. Мы даже родились в один день – пятого октября, в канун Дня духов. Во-вторых, у нас были разные отцы, что не могло не отразиться на нашей внешности. В моих жилах текла жгучая южная кровь бродячего народа. Мать как-то рассказывала мне, что моя бабушка со стороны отца сбежала из дома в юном возрасте, влюбившись в знойного и страстного красавца-артейца, попросившегося переночевать. А наутро гостеприимные хозяева обнаружили пропажу не только столового серебра, но и единственной горячо любимой дочки, которая настолько потеряла голову от заезжего сердцееда, что даже не удосужилась оставить родителям записки с объяснением своего поступка. Впрочем, через год она вернулась – заплаканная, подозрительно располневшая, в обносках и с россыпью красочных синяков. Хвала Вильяму и Элизе из рода Этвуд – они не стали выгонять блудную дочь и не побоялись пересудов маленького провинциального городка. Напротив, дали ребенку свою фамилию и нарекли его Кристианом. Правда, поспешили отправить внука в закрытую школу для мальчиков, входящих в первое сословие^[1], чтобы иссиня-черные волосы ребенка и его смуглая кожа, непривычные для здешних мест, перестали мозолить глаза соседям.

Судьба же их дочери, так рано ставшей матерью, с той поры теряется в семейной летописи. Вроде бы она решила посвятить жизнь служению Бригиде, покровительнице брака и материнства, и удалилась в монастырь, расположенный где-то у подножия южных гор. По крайней мере, так мне объяснила матушка. Я не знаю, как долго она еще прожила и при каких обстоятельствах умерла. Не исключено, что она до сих пор здравствует, облаченная в

белоснежные одеяния послушницы и приговоренная до скончания жизни отмаливать грехи юности. Так или иначе, но в моей памяти она навсегда осталась лишь одним из имен, за которым я совершенно не представляла человека. Найна Вивьен Этвуд. Да что там, достаточно долго я считала именно Элизу своей бабушкой, поскольку та постоянно незримо присутствовала в моей жизни. Да, я совершенно не помнила, как она выглядит, но регулярно получала подарки и письма, подписанные твердой рукой прабабки.

Впрочем, хватит об этом. Именно от отца я унаследовала смугловатый оттенок кожи, чуть раскосый разрез темно-карих глаз и цвет волос. Увы, первый брак моей матери не продлился долго. Всего через год после моего рождения Кристиан Этвуд погиб. С его смертью была связана какая-то туманная и загадочная история, в подробности которой мать наотрез отказалась меня посвящать. Но общепринятое мнение гласило, что он пал жертвой взбесившейся охотничьей собаки, которая по совершенно непонятной причине напала на него и разорвала плотку.

Матушка недолго носила черный вдовий наряд. Уже через полгода она вновь примерила свадебную фату, правда, уважив традиции, выходила замуж не в белом, символизирующем невинность, а в ярко-алом. Полагаю, столь вызывающий цвет во многом был выбран из-за того, что удивительно шел ее пепельно-белым волосам и ярко-голубым глазам. Именно так моя матушка превратилась из Терезы Этвуд в Терезу Мюррей. Ну а я была обречена повторить судьбу отца и в шесть лет отправилась из родного дома на учебу в пансион для девушек, принадлежащих к первому сословию. Полагаю, во многом это было сделано из-за того, что моему новоиспеченному отчиму – Генриху Мюррею – досаждало мое присутствие в доме. Я была словно бельмо на глазу, постоянно напоминая излишне ревнивому господину в летах о молодом и красивом предшественнике.

Второй брак моей матери оказался удачнее первого. По крайней мере, он продлился намного дольше. Но по какой-то причине богиня-хранительница семейного очага Бригида долго не благословляла этот союз детьми. Наверное, не будь у матери меня – то именно ее бы обвинили в неспособности даровать супругу долгожданного ребенка. Однако все осложнялось тем, что у Генриха этот брак тоже был не первым. Предшественница моей матери – Адри Мюррей – умерла от чахотки в двадцать с небольшим, оставив безутешному вдовцу на память о себе очаровательного годовалого мальчугана, моего сводного брата Вильгельма.

Я печально вздохнула. Запутанные семейные отношения, ничего не скажешь. Если честно, мне было немного обидно из-за того, что мать по сути отказалась от родной дочери. Именно на воспитание Вильгельма она тратила все время и силы, отослав меня в пансион. По слухам, матушка оставалась образцовой мачехой даже после того, как родила Анну. О моем же существовании вспоминали лишь раз в год – на праздник перемены года, когда мне позволялось навестить родных и получить в дар очередной наряд и теплые носки.

Говоря откровенно, я была даже рада, что мое знакомство с семейством Мюррей носило столь поверхностный характер. Мне не нравился ни Генрих, чья нелюбовь ко мне с годами становилась все очевиднее, ни Вильгельм, который, казалось, унаследовал от отца самые худшие качества характера, такие, как бережливость, доходящая до откровенной скупости, и полное отсутствие юмора. Мы с Вильгельмом были ровесниками, но он напоминал мне маленького старичка – не по годам рассудительного и до зевоты скучного.

А вот Анну я любила. Она росла вылитой копией нашей матери, от которой унаследовала светлые волосы и потрясающие голубые глаза. Но порой меня смущало ее

поведение. Зачастую казалось, будто Анна видит что-то, неведомое остальным. Посредине оживленного разговора или шуточной игры она могла надолго замереть, уставившись в дальний угол комнаты. Иногда я слышала, как она разговаривает сама с собой. И меня до дрожи в коленях пугали ее рассказы про то, что она общается с призраками.

Генрих, который сперва души не чаял в дочери, тоже замечал эти странности. И в редкие свои визиты я видела, как меняется его отношение к Анне. Генрих терпеть не мог ничего, что так или иначе отличалось от общепринятых правил и норм приличия. Девушка из благородного рода не имела права обладать магическим даром! Это было уместно лишь для артейцев, которые в праздники заполняли рыночные площади и хватали прохожих за руки, предлагая погадать, или же навязчиво пытались всучить амулеты на удачу.

Наверное, Генрих был бы по-настоящему счастлив, если бы пугающий дар Анны перешел ко мне. В конце концов, я нечистокровная итаррийка, а следовательно, мне простительно иметь связь с миром потустороннего. Но, увы, боги распорядились иначе.

Не знаю, какими резонами руководствовался Генрих, но почему-то он решил, что в этом опять-таки виновата я. Мол, какими-то неведомыми колдовскими способами я умудрилась заразить магическим даром сестру, при этом умело маскируя свой талант и не показывая его остальным. Поэтому последние четыре года я не видела сестру. Помню, это послужило настоящим потрясением для меня – когда в привычный день я так и не дождалась кареты из поместья Мюррей. Я никак не хотела верить, что родные окончательно отказались от меня в канун волшебного дня перемены года, поэтому провела много часов, прильнув к окну и отчаянно вглядываясь в ночную мглу – не раздастся ли вдалеке лошадиное ржание, не прорежет ли ее лучом магического шара возница.

Нет, я не плакала, когда поняла, что за мной не приедут. Мне было уже шестнадцать, и я стыдилась выказывать свои эмоции в столь «серьезном» возрасте. Две недели каникул я провела в пустой гулкой библиотеке пансиона, читая все подряд, лишь бы не вспоминать про предательство. Все эти дни компанию мне составляли только слуги и Мари – пожилая и очень добрая воспитательница, которая каждый день украдкой приносила мне сладости. Но по вечерам я оставалась совершенно одна в огромной холодной общей спальне и долгие часы лежала без сна, глядя в потолок и прислушиваясь к шорохам старинного дома.

Еще через два года мое пребывание в пансионе закончилось. И опять мать не соизволила меня навестить. Лишь прислала письмо с извинениями и небольшой денежный перевод, которого бы мне с трудом хватило на дорогу до ближайшего города. Правда, в тот же вечер за мной приехала карета, но не под розой с герба рода Мюррей, а под скрещенными мечами рода Этвуд. Прабабушка Элиза, к тому времени уже овдовевшая, вновь вспомнила про родную кровь. И я искренне возрадовалась, решив, будто сейчас меня отвезут к ней и я наконец-то обзаведусь семьей. Как выяснилось чуть позже, мои надежды оказались тщетными. Суровый молчаливый возница доставил меня в Батфилд – небольшой портовый город, где я совершенно неожиданно получила должность личного секретаря и компаньонки у Джоанн Атчесон, давней знакомой моей прабабки. Как ни странно, но мы весьма сдружились. Милая смешливая старушка вела оживленную переписку с половиной Итаррии и сопредельных стран. При этом она щедро платила за мою работу и порой чуть ли не насильно выпроваживала меня из дома на прогулку, приговаривая при этом, что свежий морской воздух полезен для молоденьких девушек. Мне не нравилось только одно – ее отчаянное желание устроить мою личную жизнь. За те два года, которые я проработала у нее, она перезнакомила меня, наверное, со всем своим мужским окружением. Беда заключалась лишь

в том, что все знакомые Джоанн были раза в три меня старше, поэтому по вполне понятным причинам я не разделяла их матримониальные планы в отношении себя. Но мне поневоле приходилось присутствовать на многочисленных чаепитиях, более всего напоминающих смотрины, слушать очень умные и очень скучные разглагольствования важных господ о внешней политике нашего короля Альберта Первого, а потом всеми возможными способами уклоняться от свиданий, которые эти самые господа пытались мне навязать.

Не знаю, к радости или к огорчению, но вскоре Джоанн пришлось поумерить свой пыл. Преклонный возраст все-таки давал о себе знать, и она сосредоточила все внимание на своем здоровье. В доме поселился душный запах лекарств и быстро прогрессирующей болезни.

Я искренне переживала за свою работодательницу, поскольку успела полюбить ее за острый язык и тонкую иронию. Но боги, как и обычно, впрочем, остались глухи к моим молитвам, и я опять оказалась один на один с жестоким миром.

Сразу после похорон Джоанн я с изумлением узнала, что стала единственной наследницей ее пусть и небольшого, но все же приличного состояния. Казалось бы – чем не подарок судьбы? И я всерьез планировала остаться в туманном и вечно сыром Батфилде, поскольку ехать мне все равно было некуда. Однако не успела я разобраться с бумагами и вступить в наследство, как получила письмо от Мари, из которого узнала, что Анну, как некогда и меня, прислали на воспитание в пансион. Естественно, я бросила все дела и отправилась к матери и отчиму, желая узнать, почему они так поступили. Успела я лишь к новым похоронам. Выяснилось, что матушка умерла от чахотки – той же болезни, что поразила первую жену Генриха. Впрочем, в болотистой местности провинции Нормон эта напасть была весьма распространена. Генрих, глядя на меня серым ледяным взглядом, отчеканил, что не желает растить ведьму. Мол, Анна – позор для их рода, и он отказывается от нее. Нет, он выполнит свой отцовский долг и даст ей приемлемое воспитание, а затем назначит содержание, но путь обратно Анне отныне заказан. И если я желаю – то могу забирать сестру и отправляться на все четыре стороны, благо, что в деньгах больше не нуждаюсь, как донесли ему слухи.

Что мне оставалось делать? В тот же вечер я отправилась за сестрой, не успев даже отдохнуть с дороги и навестить могилу матери. Говоря откровенно, у меня и не было такого желания. Мать умерла для меня намного раньше – в ту жуткую ночь, когда я поняла, что дома меня не ждут даже на праздник.

Уже в пансионе Мари вручила мне письмо от Элизы Этвуд. Прабабка словно знала, что я не смогу бросить сестру, поэтому адресовала его именно сюда. Правда, конверт почему-то оказался выцветшим, будто пролежал где-то не один месяц. Но тогда мне было некогда задумываться над подобными мелочами. Главное – меня желали видеть! И я, забрав заплаканную сестренку, вновь отправилась через всю Итаррию, на сей раз в солнечную провинцию Вельд, а именно – в маленький городок Аерни.

И вот теперь я стояла и рассматривала заброшенный дом, около которого меня высадил возница, и недоумевала все больше и больше. Что все это значит? Такое чувство, будто тут давно никто не живет. Быть может, произошла какая-то глупая ошибка, и на самом деле это не жилище Элизы Этвуд? Или же кто-то разыграл меня и подделал почерк прабабушки, хорошо знакомый мне по письмам? Но кому это могло понадобиться?

– Что вы тут делаете?

Я вздрогнула от неожиданного громкого вопроса, прозвучавшего слишком близко. Обернулась, торопливо натягивая на лицо приветливую улыбку.

Около калитки стоял высокий хмурый мужчина лет тридцати в темном строгом костюме, несколько неуместном в столь солнечную и жаркую погоду. Он неприязненно посмотрел на меня, затем перевел взгляд на Анну, которая с искренним детским любопытством изучала незнакомца, и вновь исподлобья уставился прямо мне в глаза.

— Добрый день, — поздоровалась я, изо всех сил изображая радушие и благожелательность. Шагнула к нему, протянув руку для знакомства. — Меня зовут Хлоя Этвуд. Наверное, произошла какая-то ошибка. Я просила возницу доставить меня к дому моей прабабушки — Элизы Этвуд, но он высадил нас здесь...

— Это и есть дом Этвудов, — перебил меня незнакомец и поморщился, будто мои слова доставили ему какое-то неудобство. Покосился на мою ладонь, которую я все так же держала протянутой к нему, и демонстративно скрестил на груди руки, показывая, что не намерен ее пожимать.

— Вот как? — растерянно переспросила я, несколько растерявшись и от его слов, и от настолько нарочитого недружелюбия. — Но этого просто не может быть! Я получила от нее письмо буквально пару дней назад...

— Элиза Этвуд умерла около года назад, — перебил меня незнакомец и презрительно фыркнул. — Если желаете, навестите местное кладбище. Думаю, вы без особого труда найдете ее могилу.

Я замолчала, не зная, как реагировать на столь невероятную новость. Не торопился продолжить разговор и мужчина. Он стоял в нескольких шагах от меня, худощавый, темноволосый и синеглазый, и по-прежнему морщился, словно мое присутствие как-то тяготило его.

— За вами стоит женщина, — вдруг отчетливо произнесла Анна, которая все это время с интересом слушала нашу беседу. Невежливо ткнула пальцем в незнакомца, показывая, что имеет в виду именно его, и спокойно спросила: — Почему она плачет? Это вы ее убили?

Мужчина побледнел так резко, что я невольно подалась вперед, испугавшись, что он может потерять сознание, и намереваясь помочь ему. Однако он так свирепо глянул на меня, что я столь же стремительно отшатнулась. Почему-то показалось, что он способен ударить меня.

— О чем говорит этот ребенок? — Незнакомец с такой яростью рванул ворот сюртука, что оторвал верхнюю пуговицу, но, по-моему, не заметил этого. Он с таким ужасом уставился на Анну, будто перед ним явился посланник жестокого бога мертвых Альтиса, требующий человеческого жертвоприношения.

— Простите! — воскликнула я и торопливо подбежала к сестре. Присела перед ней и строго взяла за плечи, принуждая смотреть на меня. Укоризненно прошептала, глядя в неестественно голубые глаза Анны, соперничающие по отливу с весенним небом: — Милая, ты же обещала не пугать людей.

— Что в этом страшного? — Анна удивленно пожала худенькими плечиками, но все же отвела взор от мужчины, нехотя посмотрев на меня. — Это женщина не желает ему зла. Она просто сильно огорчена чем-то.

Краем глаза я заметила, как незнакомец стиснул кулаки. Встала и на всякий случай отстранила сестру себе за спину, опасаясь, что может произойти что-нибудь непоправимое. Наши взгляды скрестились, словно перед поединком.

— Хлоя Этвуд? — прервал нашу молчаливую битву новый скрипучий голос. — Я не ошибаюсь?

Я моргнула и с усилием отвела взор от незнакомца, переключив свое внимание на нового участника беседы. Им оказался невысокий сухонький старичок, который смешно прижимал к груди туго набитый саквояж.

— С кем имею честь? — прохладно поинтересовалась я, уже не торопясь улыбаться и уж тем более не собираясь протягивать руку для пожатия. Не нравятся мне что-то здешние обитатели. Такое чувство, что законы гостеприимства им совершенно незнакомы.

— Я Дуглас Паттерсон, — представился старичок и с неожиданной любезностью согнулся в глубоком почтительном поклоне. Затем выпрямился и продолжил: — Я был поверенным вашей прабабушки. Именно на меня возложена тяжкая и почетная обязанность выполнить последнюю волю Элизы Этвуд.

— Вот как? — Я оценивающе взглянула на потрепанный костюм поверенного и поношенные ботинки, которым не помешала бы жирная вакса и новые набойки. Сдается, популярностью у клиентов этот самый Дуглас не пользуется.

Морщинистые щеки поверенного чуть порозовели от смущения. Видимо, он без особых проблем угадал мои мысли. Приветливая улыбка на его губах поблекла, он выпрямился и сухо проговорил:

— Как я понимаю, вы приехали сюда потому, что получили письмо вашей прабабушки, а теперь гадаете, как такое могло произойти, ведь она умерла уже достаточно давно. Что же, эту тайну я с легкостью разрешу для вас. Это я отправил вам письмо. Нейна Элиза оставила его мне незадолго до своей смерти с указанием отправить адресату через год после ее похорон.

Я нахмурилась, недоумевая все сильнее и сильнее. Ничего не понимаю! Что все это означает? Почему я не могла узнать о смерти прабабушки сразу же и побывать на ее похоронах? Впрочем, теперь становится понятно, почему конверт оказался таким пожелтевшим. Письмо действительно было написано давно. Но зачем потребовались все эти тайны?

— Однако дальнейший разговор я предпочитаю продолжить в другом месте, — с нажимом произнес тем временем Дуглас и с явным намеком покосился на невоспитанного незнакомца, который, не думая скрывать своего интереса к происходящему, подошел чуть ближе.

Мужчина, услышав это, отчетливо скрипнул зубами, и почему-то от этого у меня весьма потеплело на душе.

— Да, конечно, — медовым голосом сказала я и несколько растерянно пожала плечами. — Но, право слово, я не знаю, где мы можем укрыться от чужих ушей, — после чего злорадно посмотрела на мрачного неразговорчивого типа, умудрившегося испугать меня чуть ранее, давая понять этому грубияну, что говорю именно о нем.

— У меня есть ключи от дома. — Дуглас многозначительно похлопал по саквояжу. — Полагаю, мы сможем устроиться в гостиной. Тем более что все это отныне по праву принадлежит вам.

Я едва не подавилась от столь внезапного заявления. Нервно хихикнула, решив было, что Дуглас шутит. Однако поверенный ответил мне суровым взглядом, и усмешка так и умерла на моих губах. Получается, прабабушка завещала мне дом? Ничего не скажешь, везет мне в последний год на наследства. Эдак, пожалуй, вскоре я стану весьма завидной невестой.

— Пойдем, Хлоя, — оживилась Анна и потянула меня в сторону крыльца. — Мне так нравится здесь!

Я скептически кашлянула. Если честно, дом выглядел жутковато даже сейчас, когда на дворе царил яркий безоблачный полдень. Страшно представить, что будет вечером. Но с другой стороны – кто сказал, что наш разговор продлится допоздна? Наверняка в местной гостинице для нас с Анной найдется комната на ночь. И я послушно шагнула вслед за сестрой.

Незнакомец тем временем буркнул себе под нос что-то явно ругательное, круто развернулся на каблуках и отправился восвояси, напоследок не удержавшись от искушения хорошенько хлопнуть калиткой, да так, что лишь чудом не сорвал ее с петель.

Дуглас, склонившийся над дверным замком, вздрогнул от резкого звука. Кинул боязливый взгляд через плечо, вновь отчаянно прижав к груди саквояж, но тут же расслабился, увидев, что это незваный гость так шумно покинул наше общество.

– Вы случайно не знаете, кто это? – поинтересовалась я, поднимаясь к поверенному по скрипучим ступенькам.

– Случайно знаю. – Дуглас хитро блеснул стеклами круглого пенсне, которое водрузил себе на нос, и сейчас пристально изучал при его помощи увесистую связку ключей, выбирая подходящий. – Это ваш сосед, найна Хлоя. Сьер Лукас Одли.

Почему-то фамилия грубияна показалась мне знакомой. Я наморщила лоб, силясь припомнить, где именно ее слышала, но в этот момент ключ с душераздирающим скрипом повернулся в замочной скважине и дверь приглашающе распахнулась перед нами.

* * *

Внутри дом выглядел еще более зловещим, чем снаружи. Остановившись на пороге, Дуглас принялся рассеянно нахлопывать себя по карманам, что-то пытаясь отыскать.

– Полагаю, так будет лучше, – наконец проговорил он, прищелкнул пальцами – и в тот же миг перед ним запылал яркий огонек, моментально осветивший захламленную прихожую.

Я изумленно округлила глаза, осознав, что в руках поверенный моей прабабушки сжимает огненный камень. Дорогая вещь, которая совершенно не гармонировала с его потрепанным костюмом и старыми ботинками. Наверное, стоит целое состояние. Интересно, откуда он достал в этой глуши предмет, до предела напитанный покупным заклятием?

– Подарок благодарного клиента, – с улыбкой пояснил Дуглас, перехватив мой удивленный взгляд.

Увы, это пуще прежнего подхлестнуло мое любопытство. Неужели Дуглас оказывал какие-нибудь услуги истинному магу? За всю свою недолгую жизнь я ни разу не встречала настоящего колдуна, хотя путешествовала для девушки моего возраста немало. Конечно, в Батфилде мне доводилось общаться с мошенниками, выдающими себя за представителей столь славной профессии, но обычно все их фокусы были рассчитаны лишь на неграмотных представителей третьего сословия и слишком впечатлительных дам, которые просто теряли головы от флера недосказанности и интриги, умело создаваемого аферистами.

– Так, и где же он? – тем временем загадочно протянул Дуглас, запрокинув голову и что-то рассматривая на потолке. – Ага, вот ты где!

Повелительно ткнул указательным пальцем вверх – и крохотное помещение затопил

свет пробудившегося магического шара, до сего момента спокойно плавающего в воздухе. Это меня как раз не удивило. Моя прабабушка была достаточно состоятельной дамой, чтобы позволить себе подобные вещи. Благо, что сейчас их производство поставлено на широкую ногу. Огненные камни встречаются намного реже. И тотчас же с негромким хлопком огонек перед поверенным погас, видимо, выполнив свою задачу.

Дуглас уверенно провел меня через прихожую в небольшую гостиную. Стекла здесь были настолько грязны, что солнечный свет с трудом пробивался через них. В полумраке лишь угадывались очертания мебели. В воздухе сильно пахло пылью и плесенью. Но тут вслед за нами в комнату вплыл магический шар, и я разглядела два дивана, несколько кресел, закопченный камин, который явно давно не чистили, и длинный книжный шкаф, расположенный у одной из стен.

Увлеченная изучением комнаты, я все же заметила, как Дуглас осторожно примостил свой вместительный саквояж прямо на пол. Анна тем временем выдернула свою ладонь из моей и подошла к огромному портрету, украшавшему стену над камином.

– Давайте присядем и обсудим завещание вашей прабабки, – сказал Дуглас, продолжая хранить загадочную усмешку в уголках тонких губ.

Я скептически покосилась на диван, чья обивка пугала угрожающими пятнами неизвестного происхождения, затем перевела взгляд на Анну. Сестра не обращала на наш разговор ни малейшего внимания, зачарованно замерев напротив портрета, изображающего седовласую суровую женщину в темном строгом наряде. Хм-м... Я никогда не встречалась с Элизой Этвуд, но логичнее всего было предположить, что именно ее нарисовал неизвестный художник. После чего опять посмотрела на Дугласа, безбоязненно занявшего одно из кресел, и осторожно примостилась на самый краешек дивана.

– Наверное, вы удивлены, найна Хлоя, – начал тот, едва только я расположилась напротив.

– Не то слово. – Я позволила себе кривую усмешку. – Я полагала, что произошла некая ошибка или розыгрыш. Было очень странно приехать по приглашению в гости и застать дом пустым и заброшенным.

– Понимаю ваши эмоции. – Дуглас сочувственно кивнул. – Право слово, я сам был весьма изумлен, когда ваша прабабушка, нейна Элиза, озвучила свою волю. Даже пытался отговорить ее, приводил все возможные доводы по поводу того, что ее решение могут посчитать сумасбродным и даже безумным. Увы. Ваша прабабушка явила истинное упрямство рода Этвуд.

Анна при этих словах неожиданно рассмеялась, да так заливисто, что я вздрогнула и обернулась к ней. Впрочем, буквально сразу же она замолчала и вновь уперлась неподвижным взглядом в портрет.

– Прошу прощения, – извинилась я. Выдавила из себя неловкую улыбку. – Дети бывают так непосредственны.

– Понимаю. – Дуглас снисходительно хмыкнул. Наклонился ко мне и, вкрадчиво понизив голос, произнес: – Можете мне не рассказывать. У меня шестеро. И это только от второй жены! От первой еще трое.

Я с трудом удержалась от изумленного восклицания. Девять детей? Ничего себе! Но разрешение на развод в Итаррии весьма трудно получить. Это вам не легкомысленная западная Ольгестия, где подобное в порядке вещей.

– Моя первая жена, увы, погибла, – поспешил продолжить Дуглас, видимо, тоже осознав,

что его слова прозвучали несколько двусмысленно. — Мы пробыли в браке всего пять лет.

— Сожалею, — вежливо сказала я.

— Да, я тоже. — Дуглас пригорюнился, окунувшись в печальные думы. Но уже через пару мгновений вновь встрепенулся, видимо, вспомнив о цели своего визита. — Впрочем, хватит о моих семейных проблемах. Речь сейчас о вас, найна Хлоя. Итак, ваша прабабушка, Элиза Этвуд, завещала вам дом и все свое состояние. Правда, она особенно настаивала, чтобы вы узнали об этом лишь через год после ее смерти. Поэтому приглашение приехать было отослано вам так поздно. Но это еще не все. Нейна Элиза сделала особый упор на то, что с момента вашего приезда вы обязаны все ночи проводить в доме. Иначе завещание теряет свою силу, и все ее состояние переходит в собственность иных лиц.

— Вот как? — Я изогнула бровь, несколько удивленная столь странным требованием. — И как же вы намереваетесь проследить за выполнением этого пункта?

— О, не подумайте дурного. — Дуглас негромко рассмеялся. — Понятное дело, я не собираюсь приставлять к вам соглядатая, который каждый вечер будет запирает вас в доме, а утром выпускать наружу. Просто знайте — хозяин местной гостиницы, сьер Арчибальд, мой давний друг. Если вдруг вы однажды решите снять у него комнату — то я буду в курсе этого уже максимум через час. А больше я не знаю вариантов, где молодая незамужняя и очень привлекательная девушка сможет провести ночь в такой глухомани, как наш городок, — после чего понизил голос и с явным намеком завершил: — Естественно, существуют и иные варианты, но вряд ли вы на них отважитесь, поскольку это нанесет непоправимый вред вашей репутации.

Я крепче стиснула губы, удерживаясь от резкого ответа. Кровь прилила к щекам, когда я осознала, на что намекает поверенный.

— Что же, резонное возражение, — медленно проговорила я, постаравшись, чтобы мой голос прозвучал как можно более сухо и строго. — Но получается, что я до скончания жизни окажусь привязанной к этому дому. Нет, не подумайте дурного, я не страдаю особой любовью к перемене мест, однако столь жесткое требование кажется мне несколько... хм-м... странным. Вдруг однажды я захочу повидать отчима и сводного брата или хотя бы навестить могилу матери?

— Полгода, — оборвал меня Дуглас. — Вы должны прожить здесь ровно шесть месяцев от сегодняшнего дня — одиннадцатого апреля тысяча пятьсот девятого года от битвы богов. По истечению этого срока, то бишь начиная с двенадцатого октября этого же года, вы вольны делать все, что ваша душа пожелает. Даже можете продать дом и навсегда покинуть Аерни.

Почему-то после этого заверения поверенного цепкая рука дурного предчувствия лишь крепче сжала мое сердце. Почему именно полгода? Что должно произойти здесь со мной за это время?

— И что я получу в обмен на выполнение этого требования? — еще суше поинтересовалась я, краем глаза следя за Анной, которая медленно переставляла пыльные статуэтки на каминной полке.

— Поверьте мне, найна Хлоя, многое. — Дуглас широко улыбнулся. С щелчком раскрыл саквояж и зашелестел бумагами, выискивая нужные. Затем протянул мне несколько листов, скрепленных багрово-черной гербовой печатью. — Вы можете ознакомиться на досуге с завещанием вашей прабабушки. Это, естественно, копия, оригинал хранится у меня, заверенный должным образом. Здесь перечислено все то, что перейдет в ваше полное владение после полугода проживания в доме.

Я пробежала взглядом предложенный документ. Мысленно охнула и принялась читать более внимательно, чувствуя, как мои брови все выше и выше поднимаются от удивления. Затем выжидательно подняла глаза на лучащегося довольством Дугласа.

— Вот именно, найна Хлоя, — без слов понял он причину моего замешательства. — Надеюсь, теперь вы понимаете, сколь многое поставлено на кон. Если проживете здесь шесть месяцев, то вы станете, пожалуй, одной из самых обеспеченных дам Итаррии.

* * *

На темно-синем бархате неба медленно зажигались первые звезды. Я вытащила на крыльцо своего нового жилища два кресла, для себя и Анны, и наслаждалась поздним чаем на свежем воздухе. Сьер Дуглас покинул меня уже достаточно давно, пообещав помочь с поиском помощницы по хозяйству и прислать завтра кого-нибудь. Остаток дня я потратила на то, чтобы привести в порядок хотя бы несколько комнат на первом этаже и сейчас от усталости не чувствовала поясницы. Несколько часов я драила полы и вела беспощадный бой с пылью, сменив элегантное городское платье на цветастую юбку и просторную блузку. Моей предусмотрительности хватило на то, чтобы захватить с собой смену постельного белья, поэтому нам с Анной предстояло провести ночь на свежих простынях с легким цветочным ароматом, а не на волглых тряпках с запахом плесени, которым пропитался весь дом.

Я скинула туфли и с ногами забралась в кресло. Принялась медленно выбирать шпильки из волос, аккуратно складывая их перед собой. Конечно, удобнее было бы заняться этим в доме, но я всячески старалась оттянуть тот неизбежный момент, когда буду вынуждена вновь пересечь порог столь жуткого места. Все время уборки меня не оставляло гнетущее чувство, будто кто-то исподволь наблюдает за мной, словно выжидая удобный момент для нападения. Да что там, пару раз я даже замечала краем глаза какую-то непонятную тень. Впрочем, вполне возможно, это был лишь обман зрения, злая шутка разыгравшегося воображения.

Однако чем сильнее сгущалась темнота на улице — тем тревожнее становилось у меня на душе. Я все чаще ловила себя на мысли, что мне вполне хватит на жизнь и наследства, полученного от Джоанн. Что, если плюнуть на завещание прабабушки с перечислением несметных благ, забрать Анну и уйти ночевать в гостиницу? За вещами вполне можно вернуться и завтра, когда на небе вновь засияет яркое солнце и все ночные страхи развеются.

Я задумчиво тряхнула головой, позволив волосам, освобожденным из строгого пучка, рассыпаться по плечам. Ласково посмотрела на сестру, которая увлеченно поглощала варенье, обнаруженное мною на кухне. Оно хоть и засахарилось от времени, но выглядело вполне съедобным.

— Не бойся, — неожиданно проговорила Анна, словно прочитав мои мысли. Подняла голову, и я в очередной раз поразилась ее зрачкам. Неестественно расширенные, они занимали почти всю радужку, оставляя вокруг себя лишь тонкую голубую каемку. — Хлоя, в доме неопасно.

— Почему ты думаешь, что мне страшно? — спросила я.

— Я вижу. — Анна пожалала худенькими плечиками, будто удивленная, что надо отвечать на столь элементарные вопросы. — Твой страх — как черное облако вокруг.

— А что еще ты видишь? — любопытствовала я, решив воспользоваться случаем. До

сего момента Анна почти не разговаривала со мной, лишь односложно отвечала, если я интересовалась, голодна ли она, не устала ли.

Что скрывать, я почти не знала сестру. Наверняка я сама выглядела в ее глазах совершенно незнакомой девушкой, которая почему-то увезла ее не пойми куда. Но отныне нам предстояло жить вместе, а значит, необходимо было учиться общаться друг с другом.

– Здесь странное место. – Анна мечтательно улыбнулась. – Та женщина, чей портрет висит над камином... Она до сих пор здесь. Любуется тобой и что-то хочет сказать. Но ей мешают.

– Кто мешает? – пожалуй, даже слишком резко спросила я. От откровений Анны у меня по позвоночнику пробежал нехороший холодок. Выходит, мне не почудилось, и я действительно сегодня чувствовала присутствие призрака?

– Не могу сказать. – Анна виновато опустила глаза. – Пока не понимаю.

Между нами повисло мрачное вязкое молчание. Опять вернулось ощущение чужого давящего взгляда, устремленного мне в затылок. Я невольно покосилась на громаду спящего дома, притаившегося у меня за спиной. А ведь совсем скоро мне придется набраться мужества и войти в него. Нельзя ведь всю ночь провести на крыльце. Сейчас середина апреля, пусть днем и жарко, но от земли еще веет холодом недавней зимы, что особенно чувствуется в темноте.

Мрак ластился к моим босым ногам. На столе чадила лампа, но она очерчивала лишь скудный круг света, за пределами которого все тонуло в лиловых сумерках.

Внезапно огонек, словно от дуновения ветерка, окунулся в масло и как-то странно затрещал, рассыпавшись ярко-красными искрами. Я дернулась было, испугавшись, что сейчас лампа погаснет, но уже через миг лепесток пламени вновь уверенно взбежал по фитилю, разогнав сгустившиеся на крыльце тени.

– Извините за позднее вторжение.

Вкрадчивый шепоток прозвучал так неожиданно, что я с трудом удержалась от испуганного вскрика. Вскочила с кресла, забыв про снятые туфли, и резко выпрямилась, напряженно вглядываясь во тьму.

– Простите, если испугал. – В голосе незнакомца, которого еще скрывал мрак, послышалась усмешка. А еще через миг я наконец-то увидела нарушителя моего спокойствия.

С момента нашей последней встречи Лукас Одли успел снять строгий темный сюртук и сейчас был в просторной хлопковой рубаше навыпуск и узких штанах, заправленных в высокие сапоги для верховой езды. Такая перемена гардероба меня несколько удивила. Обычно люди, напротив, стараются накинуть на себя что-нибудь с наступлением сумерек, чтобы не замерзнуть. А между тем создавалось такое чувство, что Лукас именно сейчас начал страдать от жары.

Отблески света неровными полосами легли на бледное лицо мужчины, подчеркнув круги под глазами, словно он страдал от бессонницы или сильной усталости. Лукас посмотрел на меня и с усилием раздвинул губы в улыбке, видимо, решив на сей раз быть приветливым со мной. Правда, получившаяся гримаса скорее напоминала оскал боли. По всему было заметно, что Лукас по-прежнему не испытывает особого удовольствия от общения со мной. Но тогда непонятно, что именно его привело ко мне в гости.

– Все в порядке, – прохладно проговорила я и опустилась обратно в кресло, осознав, что продолжаю стоять босиком на холодных камнях крыльца. Попыталась незаметно сунуть ноги

в туфли, но судя по молниеносному взгляду, брошенному Лукасом вниз, это не укрылось от его внимания. И внезапно я рассердилась. Что позволяет себе этот жуткий тип? Сначала грубит мне, теперь без спроса заявился в гости, хотя время явно неподходящее для светских приемов.

— Чем обязана честью вновь видеть вас? — еще холоднее спросила я и с вызовом скрестила руки на груди, неприязненно разглядывая нежданного визитера.

Анна на мгновение отвлеклась от плиты с варением, кому-то подмигнула, уставившись за спину Лукаса, но тут же вернулась к прежнему занятию, принявшись вдумчиво облизывать ложку.

И это тоже не осталось незамеченным. Лукас как-то странно передернулся, должно быть, только в последний момент остановив себя от желания обернуться и проверить, не стоит ли кто за ним, и сделал еще шаг, остановившись вплотную к столу.

Мне это не понравилось. Почему-то я чувствовала легкий запах опасности, исходящий от Лукаса. Вспомнилось, как я испугалась днем, когда на какой-то жуткий миг показалось, будто он собирается ударить Анну за ее слова о женщине, стоящей у него за спиной.

— Я пришел извиниться, — после томительной паузы вдруг сказал Лукас и старательно выдавил из себя еще одно блеклое подобие улыбки. — Сегодня днем я повел себя несколько необдуманно. Боюсь, у вас могло сложиться превратное впечатление обо мне. Поверьте, я не хотел. Просто... — Лукас замялся, подыскивая нужные слова. Я не торопила его, с интересом ожидая, что он придумает в свое оправдание. И через неполную минуту Лукас сквозь зубы процедил: — Просто ваш приезд оказался полной неожиданностью для меня. Я не думал, что у Элизы Этвуд остались родственники.

Последняя фраза прозвучала так странно, что я с удивлением вскинула глаза на мужчину, хотя для этого пришлось задрать голову. Лукас не ответил на мой вопрошающий взгляд, уставившись куда-то поверх моей головы.

— Я не совсем поняла, — осторожно начала я, тщательно подбирая каждое слово, — означает ли сказанное то, что вы имели какое-либо отношение к моей прабабушке? Вы вели с ней дела?

Лукас задумчиво потер чисто выбритый подбородок. Затем тяжело посмотрел на меня сверху вниз.

— Давайте поговорим начистоту, — глухо сказал он. — Да, я понимаю ваше удивление, поэтому позвольте объяснить. Я не имею ни малейшего отношения к вашей семье. Более того, я не был знаком с Элизой Этвуд. Когда я приехал в Аерни — она уже умерла. Поэтому, наверное, мое предложение покажется вам настоящим сумасшествием, однако... — Лукас так резко нагнулся ко мне, что я вжалась в спинку кресла, с ужасом глядя в его расширенные от непонятого возбуждения зрачки. И мужчина зловеще прошептал, словно гипнотизируя меня своим неподвижным жутким взглядом: — Откажитесь от наследства! Уезжайте из Аерни немедленно! Плюньте на вещи и бегите! Я помогу вам найти карету и обещаю, что отправлю ваш багаж следом.

— Вы ненормальный! — Увы, это прозвучало не грозно, а как-то жалко — так сильно дрожал у меня голос. Я старалась не думать в этот момент о том, что именно Лукас — мой ближайший сосед. Если этот сумасшедший вздумает напасть на меня, то никто не придет на помощь. Да что там, никто просто не услышит моих криков — слишком далеко от главных улиц города находится этот проклятый дом. Но я кашлянула и продолжила чуть более уверенно, хотя сердце колотилось от страха где-то у меня в пятках: — Что вы себе позволяете?

Элиза Этвуд оставила мне все свое состояние...

– Должно быть, она вас ненавидела и желала вашей гибели, – с горькой усмешкой перебил меня Лукас. – Иначе я не вижу объяснений столь безумному поступку.

– Да хватит меня пугать! – вспыхнула я. Сжала кулаки и поднялась из кресла, прежде бросив взгляд на Анну – не собирается ли она расплакаться при виде чужой ссоры. Но сестра сидела на удивление спокойно, внимательно слушая наш разговор на повышенных тонах и меланхолично накручивая на указательный палец белокурый локон, выбившийся из косы. Я уперла руки в бока и с вызовом вскинула подбородок, неприязненно смерив наглеца взглядом. – Вы заявили, что желаете говорить начистоту. Что же, извольте. Но пока я не услышала от вас ничего полезного или интересного, кроме каких-то истеричных заявлений о том, что я по совершенно непонятной причине должна отказаться от наследства и уехать восвояси. С какой стати, собственно?

В синих глазах Лукаса заметалась злость. Однако помимо нее я увидела еще и растерянность. Мужчина явно не ожидал получить от меня отпор. Ну что же, если он считает, что своей выходкой заставит меня убежать, даже не попытавшись разобраться в происходящем, то глубоко заблуждается. Мне двадцать лет, у меня не осталось родных, кроме сестры, которую предал собственный отец, а следовательно, я не имею ни малейшего права отказываться от щедрого подарка, завещанного прабабушкой.

– Если вы останетесь в Аерни, то вас ждет смерть, – произнес Лукас и зловеще усмехнулся.

– И опять вы мне угрожаете! – Я укоризненно покачала головой. – Если вздумаете продолжать беседу в подобном же ключе – то идите вон. Я не желаю больше слушать ваши запугивания. Или же поведайте мне, что за страшная беда нависла над моей головой. Только поведайте спокойно, без унылых завываний и обещаний всевозможных пакостей.

Лукас отчетливо скрипнул зубами, скрестил на груди руки, возвышаясь в ночном мраке подобно карающему посланцу Альтиса. Только меча за спиной не хватало.

– Идите домой, – почти ласково посоветовала ему я. – Я понятия не имею, какую цель вы преследовали, решив навестить меня. Если вы рассчитывали, что я немедленно покину Аерни, то просчитались. Я не собираюсь отказываться от наследства, поэтому намерена выполнить все условия завещания. И вы не в силах помешать мне.

Лукас что-то хотел сказать мне в ответ, даже открыл рот, но в последний момент передумал. Криво ухмыльнулся половинкой рта, круто развернулся на каблуках сапог и, не прощаясь, исчез во тьме. А еще через мгновение до меня донесся стук захлопнувшейся калитки.

– Дела, – задумчиво прошептала я, глядя ему вслед. – Удивительно странный тип. И все-таки интересно, где же я слышала его имя?

– Пойдем спать, Хлоя, – попросила Анна и сладко потянулась. – Я уже замерзла здесь сидеть.

Я оглянулась на дом. Хотя я только что горячо уверяла Лукаса, что обязательно выполню все условия Элизы Этвуд, в душе вновь шевельнулись сомнения. Да что там лукавить – у меня предательски затряслись коленки при мысли о том, что вот и настал тот момент, когда я должна набраться отваги и войти в свое новое жилище. Но показать страх перед сестрой я не могла. В конце концов, теперь я отвечаю за нее, а следовательно, должна быть примером для подражания. И я протянула руку Анне, предлагая последовать за мной.

Вопреки моим самым страшным предположениям, никто не напал на меня, когда я первой вошла в дом. Никакой призрак не оскалился приветственно в дверном проеме или в отражении зеркала, когда я пробиралась через темный коридор в спальню. Если Анна и видела что-то неподвластное мне, то молчала, спокойно идя следом, и волей-неволей я успокоилась.

И вот теперь я лежала на спине и прислушивалась к тишине, нарушаемой лишь спокойным ровным дыханием Анны, с которой мы делили одну кровать. Мне не спалось. Слишком много событий произошло сегодня. Приезд в Аерни, новость о смерти прабабушки и завещании, знакомство с Дугласом и Лукасом, поздний визит последнего и его попытки запугать меня... Интересно, чего он добивался? Точнее, не так. И без того понятно, что он хотел моего срочного отъезда. Но почему?

«А вдруг Лукас какой-нибудь забытый двоюродный внук или племянник твоей прабабушки? – шепнул внутренний голос. – Едва ты уедешь – он явится к Дугласу и предъявит права на дом и прочее, подтвердив бумагами свое родство с Элизой. Возможно, поэтому он и был так раздосадован твоим неожиданным появлением?»

Но я тут же отрицательно замотала головой, отвечая сама себе. Даже если я не выполню условия завещания, наследство все равно перейдет определенному человеку. Это было особо оговорено в отдельном пункте. Я мельком видела это имя в копии завещания, которую мне любезно оставил Дуглас. И точно запомнила бы, говорись там о моем соседе. Будь Лукас хоть внебрачным сыном Элизы и моим родным дядей – он ничего не получит при всем моем горячем желании.

Я перевернулась на бок и сердито уставилась на почти полный круг луны, заглядывающей в окно. Да уж, не думала и не гадала я, что простое приглашение в гости к родной прабабушке таит столько проблем. В этом деле все было слишком непонятно и загадочно. Письмо, дожидавшееся отправки около года, откровенно странные условия завещания, недружелюбные соседи и заброшенный дом, который еще приводить и приводить в порядок...

Неожиданно ход моих мыслей оборвал какой-то шум. Я насторожилась, моментально выкинув все посторонние мысли из головы. Может быть, послышалось?..

Медленно текли секунды тишины, и я совсем было уже успокоилась, решив, что у меня шалют нервы. И неудивительно, после такого напряженного дня! Но только я вздохнула с облегчением, как шум повторился, только теперь громче. Как будто хлопнула входная дверь. Я замерла, вся оборотившись в слух.

Теперь я отчетливо слышала, как поскрипывают половицы, словно кто-то ходит по дому. Я выбрала для нас с Анной спальню на первом этаже, недалеко от прихожей, где начиналась лестница наверх. И сейчас я понимала, что кто-то методично обследует комнаты, начав с гостиной и медленно продвигаясь к нам. От осознания этого факта у меня волосы зашевелились от ужаса.

«Призраки не шумят, – вдруг холодно шепнул глас разума. – Точнее, шумят, но не так. Ты уверена, что тебя навестил именно дух твоей покойной прабабки? Тогда почему бестелесное создание так шаркает ногами?»

Это замечание неожиданно отрезвило меня. Я не знала, как бороться с привидениями,

но вполне представляла, что можно сделать с грабителем, или кто там еще забрался в дом. Огреть по голове чем-нибудь тяжелым, запустив вазой, или же запереть в одной из комнат до прихода помощи. Выбор большой.

Немного приободрившись от мысли, что противостоять мне будет человек из плоти и крови, я бесшумно поднялась с кровати. Кинула быстрый взгляд на Анну, но она безмятежно сопела, уткнувшись носом в подушку. Ну что же, будем надеяться, что она не проснется, пока я буду проводить карательную операцию. И я туго перепоясала халат, алча задать хорошую взбучку наглому визитеру.

Однако стоило мне только открыть дверь, как все звуки затихли. В доме вновь воцарилась полнейшая тишина, от которой зазвенело в ушах.

Я постояла немного на пороге, напряженно вглядываясь в окружающий меня мрак, затем нерешительно шагнула вперед, одной рукой ведя по стене. Так, надо вспомнить, куда ведет коридор. Если не ошибаюсь, то направо будет кухня, а повернув налево, я вскоре попаду в прихожую, где и раздавались загадочные звуки.

Так и получилось. Достаточно скоро я мрачно обозревала лестницу, ведущую на второй этаж. В прихожей было светлее, чем в коридоре, поскольку через окна, отмытые вечером от грязи, падало достаточно лунного света. И это позволяло мне убедиться в том, что никакой злоумышленник не притаился здесь, намереваясь напасть на меня.

Я подошла к входной двери и задумчиво уставилась на задвинутый засов, даже на всякий случай подергала его, убеждаясь, что он плотно вставлен в паз. Странно. При таком положении засова дверь нельзя открыть снаружи даже ключом. Но я отчетливо слышала, как кто-то вошел в дом! Как это возможно?

И внезапно мне стало очень неудобно. Право слово, я бы совершенно не испугалась, если бы в прихожей меня встретил грабитель. Думаю, мы бы смогли найти с ним общий язык. Я бы объяснила, что произошла какая-то ошибка, и на самом деле в доме нечего взять. Но я не была готова к подобному повороту событий. Неужели здесь все-таки хозяйничают призраки?

И словно в унисон моим мыслям, спину обжег злой давящий взгляд. По босым ногам пробежал ледяной сквозняк, а лестница позади душераздирающе закрипела под чьими-то неспешными тяжелыми шагами.

Я с силой сжала кулаки, впившись ногтями в ладони и надеясь, что эта боль прогонит наваждение. Наверное, я просто сплю и вижу жуткий кошмар, так пугающе похожий на реальность!

Однако это не помогло. Кто-то или что-то за моей спиной закончил неторопливый спуск и сейчас медленно приближался ко мне, явно наслаждаясь моим замешательством и страхом.

– Хлоя...

Казалось, будто шепот прозвучал сразу со всех сторон, и от этого мельчайшие волоски на моем теле встали дыбом. Клянусь, я даже почувствовала, как мои кудри на голове приподнимаются и начинают шевелиться! Я не бросилась бежать куда глаза глядят лишь по одной простой причине – было настолько страшно, что ноги отказали мне. Я буквально выросла в пол.

– Хлоя, посмотри на меня, – продолжал обнимать меня шепот, пока тьма слизывала с моей кожи солоноватые капельки пота, словно пробуя на вкус. – Оглянись.

Я скорее выколола бы себе глаза, чем по доброй воле взглянула на призрака. Было трудно дышать – грудь словно сковали железными обручами.

– Ну что же ты, Хлоя. – Привидение будто издевалось надо мной. Вкрадчивый голос раздавался так близко, словно неупокоенный дух стоял за моей спиной. – Ты же смелая девочка.

Я тоненько всхлипнула от ужаса, когда почувствовала легчайшее прикосновение к своей руке. По коже будто пробежала ледяная цепкая многоножка. Наверное, если бы призрак сказал мне еще хоть слово – то я бы не выдержала и просто рухнула в обморок, спасаясь от ужаса суровой реальности в благословенном небытии. Но неожиданно я услышала то, что совершенно не ожидала.

– Привет, Лукас, – раздался заспанный и немного удивленный голосок Анны. – Ты опять пришел в гости?

Лукас? Страх схлынул так неожиданно, что меня даже немного затошнило. А вместо него пришла злость. Так все это представление устроил сосед, вздумавший выжить меня из дома?

И я медленно обернулась, еще крепче стиснув кулаки.

Однако напротив меня стоял отнюдь не Лукас. Над полом висело облачко плотного молочно-белого тумана, по краям которого переливались неяркие серебристые искры.

Я попятилась, не в силах отвести взгляд от столь пугающего, но одновременно завораживающего зрелища. О боги! Что это? Неужели все-таки призрак?

– Лукас, хватит пугать Хлою! – строго произнесла Анна, которая стояла чуть дальше от нас. А затем произошло то, что я никак не могла ожидать. Сестренка храбро подскочила к непонятной субстанции, преграждающей мне путь, и, нимало не смущаясь, скрылась за пеленой тумана.

– Анна, стой! – испуганно вскрикнула я. В голове заполошными птицами заметались перепуганные мысли. Что она делает? Вдруг призрак ее съест? Или задушит. Ах, да кто знает, на что способны зловредные привидения! И я, позабыв про свой страх, подалась вперед, намереваясь силой вырвать сестру из лап жуткого непонятного создания.

Я не имела ни малейшего представления, что надлежит сделать. Но и оставить Анну в беде просто не могла.

Однако туман резко разошелся передо мной, сгинув так стремительно, будто лишь привиделся мне. Беда была лишь в том, что за ним скрывался пуфик, о который я не замедлила споткнуться. И с кратким приглушенным криком я полетела на пол, едва успев выставить перед собой руки в попытке смягчить падение...

«Вот и все, – промелькнуло печальное. – Сейчас призрак наверняка расправится со мной, поскольку убежать я теперь не сумею»...

* * *

Подвернутая при падении нога не сильно, но противно ныла. Не помогал даже ледяной компресс, сделанный Лукасом.

Я тяжело вздохнула и завозила в кресле, пытаюсь найти такое положение, при котором тупая пульсирующая боль хоть немного утихнет. Осторожно вытянула ногу и исподлобья посмотрела на виновника моих злоключений.

Лукас сидел напротив и виновато хмурился. Он так старательно избегал встречаться со мной глазами, что это лишь сильнее злило меня. Ишь ты, натворил бед, а теперь смущается.

Раньше надо было переживать, когда вздумал влезть в чужой дом и до смерти напугать его обитателей.

– Хлоя, налить тебе еще чаю? – деловито осведомилась Анна, которая взяла на себя роль маленькой хозяйки, пользуясь тем, что я пока была не способна к активным передвижениям.

– Спасибо, но не надо, – вежливо отказалась я, продолжая буравить пристальным взглядом повинно склоненную голову Лукаса.

– А я бы выпил еще, – робко проговорил он. Но тут же вновь стыдливо замолчал, на одно случайное мгновение встретившись со мной глазами.

Анна, однако, послушно зазвенела чашками, решив все-таки уважить просьбу незваного гостя. Ну и зря. На ее месте я бы Лукасу чай налила не в кружку, а выплеснула бы прямо в лицо.

– Вы ничего не желаете мне объяснить? – ледяным тоном поинтересовалась я, осознав, что мы рискуем просидеть до рассвета, так и не обсудив произошедшее.

– Я не думал, что вы выйдете на шум, – совершенно невпопад ляпнул Лукас, и кончики его ушей заалели. – Я полагал, будто вы испугаетесь, запретесь в комнате, а на следующее же утро покинете Аерни. Я и подумать не мог, что вы осмелитесь в одиночку и в полной темноте отправиться на осмотр дома.

– Вообще-то я решила, будто в дом забрался грабитель, – пояснила я, почувствовав в тоне Лукаса скрытый упрек и желая объяснить свое поведение.

– Тем более. – Лукас слабо усмехнулся. – Любая благоразумная девушка на вашем месте сидела бы тише мыши, и носа не показав из комнаты.

– Здесь все равно нечего брать. – Я пожала плечами. – Если бы это был грабитель, то я бы объяснила ему ошибку. Думаю, после этого он бы покинул дом ко всеобщему удовольствию.

Лукас с таким немым изумлением уставился на меня после этого заявления, что мне невольно стало не по себе. Что такого я сказала?

– Вы потрясающе наивны, – наконец медленно процедил он. – Впервые вижу настолько очаровательную неосведомленность в элементарных вещах. Вы не думали, что грабителю могут понадобиться не только... хм-м... материальные ценности, так сказать?

Я не поняла, что хотел сказать Лукас, поэтому лишь неопределенно пожала плечами.

– В любом случае это был не грабитель, а вы, – прохладно напомнила я. – И как же понимать ваш поступок?

– Да я, в общем-то, уже объяснил. – Лукас вновь виновато понурился. – Я хотел лишь напугать вас. Полагал, что нескольких громких стуков вполне хватит. Поэтому был удивлен, когда вы вышли. Пришлось играть спектакль дальше.

– О, из вас получился бы великолепный лицедей, даже жаль, что такой талант пропадает впустую! – не выдержала и съязвила я, с досадой вспомнив свой испуг. Наверное, в тот момент я очень глупо и смешно выглядела со стороны. Помолчала немного и все же задала вопрос, который мучил меня все это время: – И все же, как вам это удалось? Я имею в виду тот туман. Это выглядело настолько реалистично.

– Просто он маг, – вмешалась в разговор Анна, опять подливая Лукасу в чашку из почти опустевшего чайника. Безмятежно улыбнулась. – По-моему, это очевидно. Разве ты не видишь, Хлоя, как дрожит вокруг него воздух?

Я уставилась на Лукаса, желая увидеть ту самую пресловутую дрожь воздуха. Однако, увы, в результате у меня лишь зарябило в глазах от напряжения, и я сморгнула с ресниц

одинокую слезинку, выступившую от моих безуспешных усилий. Впрочем, ничего удивительного. Ведь загадочную женщину за плечом Лукаса я тоже не вижу. А если верить Анне – она там стоит.

Между тем моего гостя откровения Анны весьма поразили. Он тоже принялся озираясь, даже охлопал себя по бокам, будто пытаюсь прочувствовать это явление, затем с нескрываемым интересом уставился на мою сестру.

Анна улыбнулась, польщенная вниманием к своей скромной персоне. Она примостилась на самом краешке кресла, такая маленькая, хрупкая, окруженная облаком восторженных светлых волос. Воплощение невинности!

– Наверное, тяжело постоянно жить рядом с человеком, у которого такие способности, – наконец тяжело процедил Лукас и перевел взгляд на меня. – Ваша сестра обладает настоящим даром.

– Да уж, – пробормотала я и поправила компресс на ноге. Хвала богам, боль почти утихла. Будем надеяться, что мне не придется завтра весь день хромать. Затем откинулась на спинку кресла и выпалила на одном дыхании: – Так вы на самом деле маг?

– В некотором смысле, – сухо проговорил Лукас, явно не имея ни малейшего желания вдаваться в подробности.

Я несколько раз размеренно ударила пальцами по подлокотнику, ожидая продолжения, но наш гость молчал. Вот, значит, как. Что же, кое-кто серьезно ошибается, если думает, что столь вопиющая выходка сойдет ему с рук. Я буду не я, но вытрясу из этого новоявленного колдуна все, что он знает.

– Кажется, вы не понимаете всей серьезности положения, в которое угодили, – вкрадчиво начала я, осознав, что Лукас намерен до последнего играть в молчанку. – Вы проникли в чужой дом. Я понятия не имею, с какой целью вы это сделали. Да, вы можете сколь угодно утверждать, будто желали лишь напугать меня. Но что, если истинной причиной было ограбление? В любом случае вам придется весьма потрудиться, давая местным властям объяснение своему поступку. Уверена, что ваша репутация после этого окажется безвозвратно загубленной...

– Вы считаете, меня беспокоят такие мелочи, как моя репутация? – перебил с болезненной ухмылкой Лукас. – Меня, Лукаса Одли, уже давным-давно не волнует, что могут сказать или подумать обо мне люди.

В тысячный, наверное, раз за этот вечер меня царапнуло смутное воспоминание. Нет, я точно когда-то слышала это имя. Но где и в связи с чем?

Однако мысль, так и не оформившись окончательно, исчезла, и я продолжила сухо и твердо:

– Нет, вы не поняли меня. Вам, может быть, и плевать, что скажут о вас люди. Но как насчет тюрьмы?

– Тюрьмы? – Лукас презрительно фыркнул, не впечатленный моей угрозой. – Не смешите меня! Это был всего лишь розыгрыш. Да, сознаюсь, что глупый и жестокий, но никаких дурных целей я не преследовал. Меня наверняка не похвалят, но и наказывать строго не будут. Отделаюсь денежным штрафом в вашу пользу и общественным порицанием. Переживу как-нибудь. Авось, не впервой.

Я подалась вперед, положила на колени руки и прошептала, глядя прямо в глаза наглецу, вздумавшему выйти сухим из воды:

– То, что это розыгрыш, знают лишь трое: я с сестрой и вы. И здравый смысл

подсказывает мне, что моим словам поверят с куда большей охотой, чем вашим. Тем более вы сами не отрицаете, что проникли в мой дом ночью. Хотела бы я послушать, как вы начнете оправдываться, когда я обвиню вас в нападении и попытке ограбления.

– Но вы же сами говорили, что в доме нечего брать! – гневно вскинулся Лукас.

– В доме – нечего, но что насчет моего багажа? – Я торжествующе усмехнулась. – Кто мешает мне сказать, что у меня с собой была крупная сумма денег или же дорогие украшения?

– Это же ложь!

В этот момент мне стало даже жалко Лукаса. У него от удивления так сильно округлились глаза, что они стали похожи на два огромных блюдца, в которых плескались искренние недоумение и обида.

Анна, сидящая рядом, тихонько хихикнула, видимо, позабавленная этим зрелищем. Правда, смотрела при этом она за спину Лукаса. Но я уже начала привыкать к выходкам сестры, поэтому спокойно проговорила, пожав плечами:

– Да, ложь. И что? Вы же сами сказали, что вам плевать на мнение окружающих. Так пусть думают о вас, как о воре...

Я пожалела об этой фразе, как только она слетела у меня с уст. Глаза Лукаса опасно потемнели. Он уже оправился от первого замешательства, и сейчас его рот кривился от гнева, который вот-вот должен был прорваться наружу криком. Однако, к моему величайшему удивлению, Лукас все же сумел удержаться от столь бурного выражения эмоций.

– Вы хоть представляете, кому осмеливаетесь угрожать? – тихо спросил он.

Честно слово, лучше бы закричал! От его голоса мне почему-то нестерпимо захотелось забиться в самый темный угол гостиной и заплакать.

– Да что вы мне сделаете? – Я с вызовом улыбнулась, хотя внутри все мелко дрожало от страха. – Обвините во лжи? Ваше слово окажется против моего. И я готова побиться об заклад, что поверят мне.

Еще одна томительная минута молчания. Но наконец Лукас как-то растерянно моргнул и с явным усилием отвел от меня взгляд.

– И все же ваша наивность потрясает, – пробормотал он. – Слабая девушка, дом на окраине, из всех возможных помощников – лишь ребенок. Но вы, похоже, искренне не понимаете, насколько безжалостны могут быть люди и сколь чудовищно они порой поступают.

– Речь сейчас не обо мне, – дерзко прервала его я, немного приободрившись. Кажется, я все-таки начинаю одерживать верх в этом странном противостоянии. – Речь о вас и вашем добром имени. Если вы немедленно не расскажете, почему так отчаянно желаете выжить меня из дома...

Я осеклась. Нет, Лукас ничего мне не сказал. Он все так же сидел напротив меня, только в его облике что-то неуловимо изменилось. Словно через прорези маски обычного человека, накинутой для обмана окружающих, на меня вдруг холодно и расчетливо взглянуло кровожадное чудовище. Тяжело сказать, чем было обусловлено такое впечатление. Просто мое сердце внезапно забилось вдвое чаще, просто на уши неожиданно надавила ночная тишина, и я действительно осознала, что никто не поможет нам с Анной, если Лукас решит расправиться с невольными свидетелями его преступления.

– Никогда не угрожайте мне, – медленно процедил Лукас, делая паузу после каждого

слова. – Слышите? Никогда, найна Хлоя! Вы даже не представляете, с кем связываетесь!

– Так расскажите мне! – потребовала я дрожащим голосом, собрав все свое мужество. – Что происходит? Вы ведь понимаете, что теперь я точно никуда не уеду?! Что такого особенного в этом доме?

– Да с чего вы вообще решили, будто меня интересуют эти развалины?! – взорвался Лукас, продолжая испепелять меня взором. – Плевать мне на дом и все, что находится в нем! Проблема в том, что вы можете получить помимо этой развалюхи.

– Но если наследство Элизы Этвуд не достанется мне – то и вы его тем более не получите, – осторожно заметила я.

– И тем лучше. – Лукас криво усмехнулся, но пояснять свою мысль не стал. Вместо этого он встал и неспешно отправился к входной двери, видимо, посчитав разговор оконченным.

– Эй! – возмутилась я. Попыталась подняться тоже, но была вынуждена отказаться от этой идеи из-за нового всплеска боли в лодыжке, почти утихшей до этого. Не догонять ведь наглого гостя, прыгая на одной ноге. – Куда вы?

– К себе, – пожал плечами Лукас, уже взявшись за дверную ручку. Искоса глянул на меня и добавил с усмешкой: – Учитывая ваше физическое состояние – можете не провожать.

– Но... – растерялась я от подобного оборота событий. Он уходит? Вот так вот просто? А как же мои угрозы ослабить его, если он не расскажет мне, что вообще происходит?

– Доброй ночи, найна Хлоя, – прохладно пожелал Лукас. Покосился на окно, за которым уже серел сумрак, предвещая скорый рассвет, и нехотя поправился: – Точнее, учитывая обстоятельства, славного утра. И подумайте над моими словами. От всей души советую вам как можно скорее покинуть Аерни. Если желаете – я помогу вам с вещами.

– Идите к Альтису! – совершенно неподобающе для девушки из хорошей семьи огрызнулась я в ответ на столь соблазнительное предложение. Видимо, сказались годы воспитания в пансионе, где, что скрывать, мой жизненный опыт весьма обогатился в плане всевозможных ругательств. Что поделать, наши учителя были обычными людьми со своими недостатками и не всегда успевали уследить за шалостями воспитанников. А семьи у всех были разные.

Лукас вряд ли ожидал от меня подобного. Он удивленно вскинул брови, однако удержался от нового витка спора. Почтительно склонил голову, прощаясь, и вышел прочь.

Спустя неполную минуту до меня донесся звук отодвигаемого засова, который через пару мгновений вновь с лязгом встал в паз.

– Ишь ты, маг, – прошептала я, не сомневаясь, что это Лукас любезно закрыл за собой дверь, заперев ее изнутри дома при помощи заклинания. Но на всякий случай, прихрамывая, подошла к двери и выглянула в темную прихожую, которая, как и ожидалось, оказалась пустой.

– Станный тип, правда? – спросила я у Анны, которая свернулась калачиком в кресле и, по-моему, уже задремала, утомившись от нашего бесконечного спора.

– Да, – сонно согласилась она, тараща на меня огромные голубые глаза. – Станный. И не совсем человек.

Я меланхолично пила какао, вновь выбрав для посиделок крыльцо. Нет, мне было уже нестрашно оставаться в доме. Особенно после пережитого ночного представления, устроенного мне соседом. Полагаю, если бы в этом месте на самом деле обитали кровожадные призраки, то они бы уже давным-давно напали на меня, благо, что возможностей было предостаточно. Однако я по-прежнему не желала и лишней минуты проводить под крышей дома – слишком угнетала меня его запущенность. Сначала я собиралась устроить завтрак на небольшой кухоньке, до разбора которой вчера у меня еще не дошли руки, но затем ужаснулась масштабам грядущей неминуемой уборки, мудро решила не расстраивать себя раньше времени и вместо созерцания грязи и пыли насладиться красотами утреннего пейзажа. Хотя, если честно, дело уже шло к обеду – после столь утомительной и бурно проведенной ночи мы с Анной встали лишь ближе к полудню.

Сестра увлеченно доедала последний кусок пирога, купленный еще накануне в какой-то придорожной забегаловке. Я задумчиво посмотрела на Анну. Вчера мне так и не удалось добиться от нее, что означали те слова по поводу Лукаса. Как это – он не совсем человек? Нет, я не сомневалась, что все маги из-за своих способностей весьма отличаются от обычных людей. Но мне показалось, что Анна имеет в виду нечто другое. Однако она так хотела спать, что лишь что-то невнятно пробурчала в ответ на мои расспросы.

– Анна? – позвала я сестру, вздумав воспользоваться удобным моментом и все-таки выяснить, что же она хотела сказать мне вчера по поводу Лукаса.

Сестра вскинула на меня глаза, и я в очередной раз поразились их неестественной затягивающей голубизне. Такое чувство, будто смотришься в чистое весеннее небо.

– Ты вчера сказала, что Лукас не совсем человек, – продолжила я, стараясь не утонуть в этих озерах. – Что это значит?

– Он больше, чем хочет казаться. – Анна снисходительно улыбнулась мне, будто это я была намного младше ее, а не наоборот. – Когда ты угрожала ему, то я вдруг заметила его тень. Наверное, он сильно разозлился, поэтому потерял контроль над ней. Но она выросла сама по себе. И у нее были крылья.

Я поймала себя на том, что слушаю Анну, самым неприличным образом раззявив рот. И что все это значит? О какой тени она толкует? Н-да, стоит признать, тайны лишь множатся.

Мои размышления прервал скрип гравия под чьими-то шагами на дорожке, ведущей от крыльца к калитке, и осторожное покашливание. Из-за кустов, разросшихся без должного присмотра садовника, я до последнего не имела возможности увидеть, кто именно пожаловал к нам в гости, поэтому с интересом повернулась в сторону шума и принялась терпеливо ожидать. И спустя пару мгновений на небольшую полянку вышла средних лет женщина в темном строгом платье, слегка оживленном белоснежным кружевным воротничком.

– Извините, что вошла без приглашения, – проговорила она, остановившись около первой ступеньки, – но я рассудила, что вы вряд ли услышите, если я начну кричать с улицы – слишком большое расстояние. Тем более калитка была не заперта, поэтому, собственно, я и осмелилась на подобную дерзость. Добрый день.

– Добрый, – настороженно отозвалась я, с интересом разглядывая незнакомку. Печальный опыт знакомства с Лукасом научил меня относиться с опаской к незванным гостям.

– Меня зовут Герда. – Женщина улыбнулась, и я вдруг поймала себя на том, что улыбаюсь ей в ответ. Уж очень приветливо и открыто у нее это получалось. – Сьерра Герда

Филипс. Меня прислал мой хороший знакомый. Сказал, что вы нуждаетесь в услугах помощницы по хозяйству.

– О, конечно! – воскликнула я, мигом слетев с кресла и решив, будто она говорит о Дугласе. – Вы будете моей спасительницей, если согласитесь на столь неблагодарную и тяжелую работу!

– Да, я понимаю, о чем вы. – Герда придирчивым взглядом обвела грязные окна дома и красноречиво поморщилась. Впрочем, уже через мгновение она вновь безмятежно заулыбалась и доброжелательно посмотрела на меня. – Однако глаза боятся, а руки делают, не правда ли, найна Хлоя? Не сразу, конечно, но, полагаю, у меня получится навести подобие порядка в этом хаосе.

– Не сомневайтесь, что я приму в этом самое непосредственное участие! – пылко заверила ее я. – А что насчет вашей платы за работу?

– Золотой в месяц меня вполне устроит, – заверила меня Герда.

– Золотой? – недоуменно переспросила я, слегка растерявшись от столь смехотворной суммы. Даже будучи секретарем у Джоанн я получала в месяц десять золотых. И это с учетом того обстоятельства, что при этом я находилась на полном ее обеспечении! – Но это же очень мало!

– Не беспокойтесь обо мне. – Герда негромко рассмеялась, видимо, позабавленная моей реакцией. – Я, если честно, не особо нуждаюсь в деньгах. Да и потом, мне просто совесть не позволит брать больше у девушки, которая в столь юном возрасте осталась без родителей. К тому же у вас на попечении сестра. Поэтому давайте договоримся так: если вам понравится моя работа, то вы вполне можете радовать меня ежемесячными премиями. Но я не обижусь, если вы будете строго придерживаться нашей договоренности. Золотой в месяц меня более чем устроит, честное слово!

Что скрывать, предложение Герды меня несколько насторожило. Нет, с одной стороны, конечно, хорошо, что она не заломила несусветную цену за свои услуги, но с другой, как-то странно все равно. Кто же в здравом уме от денег отказывается?

Но в этот момент Герда в очередной раз лучезарно улыбнулась, и я растаяла. Наверное, встреча с Лукасом сделала меня даже излишне подозрительной, раз я во всех начала видеть врагов и злоумышленников.

– По рукам, – проговорила я, и наша сделка оказалась завершенной.

* * *

Стыдно и смешно признаваться, но я весь день провела в ожидании, что Лукас придет навестить меня. Хотя бы ради того, чтобы выяснить, действительно ли я твердо намерена выполнить свою угрозу и заявить о попытке ограбления. Но шло время – а ничего не происходило. День медленно катился к закату. Мы с Гердой привели в порядок гостиную, вымыли кухню, после чего моя новая помощница осталась на ней готовить обед. Я в очередной раз поймала себя на том, что постоянно поглядываю в окно, ожидая увидеть там Лукаса, пришедшего просить извинений за свой поступок, и ужасно рассердилась. Что за чепуха, почему я постоянно думаю о нем?! Может быть, все-таки наведаться к Дугласу и рассказать ему про мои ночные приключения?

Но почти сразу я со вздохом сожаления отказалась от этой идеи. Во-первых, мне было

как-то стыдно признаваться, что в моем доме ночью побывал мужчина. Это прозвучало бы слишком двусмысленно. Во-вторых, я прекрасно помнила, как сильно меня напугал Лукас. А вдруг он способен каким-либо образом навредить мне, если я вздумаю порочить его имя? А в-третьих, что скрывать, я сгорала от любопытства. Предположим, мне поверят, и Лукаса заберут для дальнейших разбирательств, возможно, даже упекут в тюрьму. Но тогда я никогда не узнаю, чего именно он добивался и почему!

«Не лукавь, – неожиданно вмешался глас рассудка. – Ведь есть еще и четвертая причина, которая перевешивает все остальные. Не правда ли? Согласись – Лукас весьма симпатичный мужчина. И по вполне понятным причинам тебе бы не хотелось превращаться в его заклятого врага».

Что за глупости?! Я раздраженно мотнула головой, отгоняя столь смехотворные мысли. Конечно же, мне не нравится Лукас. Если честно, я его вообще побаиваюсь. Мало ли что он может еще учудить. Одно радует – Герда выразила желание на ночь оставаться в доме. Мол, так ей будет намного легче, не придется тратить силы на вечные шатания туда-сюда. Семьи у нее все равно нет, поэтому она будет только рада проводить все время здесь. Все лучше, чем ночами страдать от одиночества в четырех стенах.

В этот момент я вновь обнаружила, что задумчиво смотрю на пейзаж за окном, и окончательно разозлилась на себя. Надо срочно заняться каким-нибудь делом, чтобы перестать сходить с ума! Почему бы не осмотреть второй этаж? Все равно Анна осталась на кухне помогать Герде, значит, мне не придется отвлекаться для того, чтобы проверить, чем там занимается моя младшая сестренка.

И, вооружившись тряпкой и ведром с водой, я смело отправилась на разведку.

Начать свою работу я разумно решила с кабинета прабабушки. Надеюсь, мне повезет обнаружить там бумаги, которые прольют свет на происходящее здесь.

Гулкое просторное помещение встретило меня полумраком. Первым делом я отдернула тяжелые бархатные гардины и тут же расчихалась от пыли, поднятой при этом простом действии. Затем обернулась и удивленно присвистнула при виде высоких, до потолка, книжных шкафов, до отказа заполненных старинными фолиантами в обложках с дорогим золотым теснением. Ого! Да одна эта коллекция стоит целое состояние!

Но куда больше меня заинтересовал письменный стол, накрытый дорогим зеленым сукном. На нем ничего не лежало, но я не сомневалась, что в его глубинах может скрываться нужное мне.

Я не ошиблась в своих предположениях. В первом же открытом ящике оказалась целая кипа пожелтевших от времени бумаг. И я, забыв об уборке, погрузилась в их изучение, внимательно проглядывая каждый листок.

Достаточно скоро я поняла, что времени на это уйдет немало. Большую часть из найденного занимали хозяйственные заметки. Но при этом частенько на полях встречались странные пометки карандашом, за сокращениями которых мне так и чудился потаенный смысл. Вот как, например, можно расшифровать следующую чудную фразу: «Два ст. л. полыни на одну кр. воды, смешать в ночь пол. л.»? Две столовых ложки полыни добавить в кружку воды, и все это сделать в полнолуние? Но что тогда произойдет? Хм-м...

Я отложила очередной листок в сторону и задумчиво наморщила лоб. Интересно, а чем занималась моя прабабушка? Неужели она была знахаркой и делала какие-то целебные снадобья? Да нет, вроде бы я про это не слышала. И почему тогда на кухне я не обнаружила ни малейших следов, свидетельствующих о столь необычном хобби? Я имею в виду

всевозможные травы, магические амулеты и прочие вещи, которые обычно используют при создании лечебных отваров.

Я отложила в сторону стопку просмотренных бумаг и решительно потянула на себя следующий ящик. Рано пока делать какие-либо выводы. Сначала надо все тщательно изучить. И я смело запустила руку в темное нутро письменного стола.

Однако тут же я пожалела о своей неосмотрительности. Руку вдруг пронзила острая боль, и я вскрикнула от неожиданности. Отпрянула от стола, изумленно разглядывая крошечную капельку крови, выступившую на указательном пальце. Это еще что такое? Обо что я могла уколоться?

Во второй раз я решила быть осторожнее, поэтому до предела вытащила ящик, после чего аккуратно принялась выкладывать из него бумаги. И наконец обнаружила причину моего так называемого боевого ранения – маленькую записную книжку, на обложке которой щерилась тонкими и чрезвычайно острыми иголками металлическая звезда.

– Оригинальное украшение, ничего не скажешь, – пробормотала я. Бережно взяла ее в руки и с некоторым усилием раскрыла, правда, при этом слегка испачкав кровью из пораненного пальца переплет.

На первой страничке я обнаружила подробное генеалогическое древо незнакомого мне семейства. Я начала изучать его снизу, скользя взглядом по ровным строчкам, пока не остановилась на самом верху. И тем большим было мое удивление, когда я обнаружила, что венчает родословную уже знакомое мне имя Лукас, к которому кто-то любезно приписал и фамилию – Одли.

– Не может быть! – потрясенно прошептала я себе под нос. Спустилась пальцем на ступень ниже. – Элизабет и Грегор. Их сыновья – Лукас и Оливер.

Да, совершенно верно, фамилия была дописана позже. На это указывали и более темные чернила, не успевшие выцвести от времени. Но это не умаляло того факта, что нашла я эту книжку в письменном столе, некогда принадлежащем именно Элизе Этвуд. С какой стати она вообще заинтересовалась Лукасом? Получается, они были знакомы? Но тогда, выходит, он солгал вчера, когда сказал, будто они никогда не встречались.

Я нервно забарабанила пальцами по столу. Ох, не нравится мне все это! Пожалуй, надо было все-таки сообщить хотя бы тому же Дугласу, что Лукас пробрался ночью в дом и пытался запугать меня. А сейчас мои слова вряд ли кто-нибудь примет всерьез. Как-то странно кричать о воре, когда с момента предполагаемого нападения прошло столько времени. Тем более что я разговаривала с Гердой и ни словом не обмолвилась ей о ночных злоключениях.

Тяжело вздохнув, я вернулась к изучению записной книжки. Перевернула страничку и вновь замерла – теперь уже над какой-то записью. Беда была лишь в том, что я никак не могла понять, о чем же в ней говорится. Вроде бы я улавливала смысл отдельных слов, но целые фразы превращались в какую-то тарабарщину. Очень непонятное и неприятное ощущение, стоит заметить. Когда читаешь – и вдруг осознаешь, что разучился воспринимать смысл прочитанного.

Почему-то я никак не могла отвести взгляда от этих строчек. Казалось очень важным разгадать то, о чем тут говорилось. Вдруг это имеет какое-либо отношение к Лукасу? Недаром ведь родословная именно его семьи была изображена на первой странице.

Неожиданно я поймала себя на том, что тихонечко шепчу себе под нос слова, написанные тем же ровным четким почерком, что и большинство просмотренных мною

бумаг. Изломанное их звучание завораживало. Изредка мне слышалось что-то очень и очень знакомое, но это ощущение сразу же пропадало, стоило мне только перейти к следующей строчке.

Когда я прочитала примерно половину, то отстраненно удивилась тому, как сильно и стремительно вокруг потемнело. Теперь мне приходилось щуриться, чтобы разобрать сливающиеся во мраке фразы. Но это не могло остановить меня. Взгляд намертво приковался к записной книжке. Я получала едва ли не физическое удовольствие от того, как слова соскальзывали с моего языка, поэтому все убыстряла и убыстряла темп чтения.

Однако вскоре мои чувства изменились. Чем меньше строчек оставалось до конца страницы – тем более мне становилось не по себе. Нет, я не могла по своей воле остановиться, но пропало и наслаждение. Мне было страшно. Я ощущала, как струйки мрака скользят по моей коже, как во тьме кто-то тяжело дышит, притаившись за спиной и до поры до времени не желая выходить. Что будет, когда я произнесу последнее слово? Кого я призываю себе на погибель?

– Хлоя! – неожиданно словно издалека услышала я отчаянный крик сестры и краем глаза заметила, как ее хрупкая фигурка нарисовалась на фоне светлого прямоугольника открытой двери. – Немедленно прекрати!

Если бы я только могла! Теперь мрак вокруг меня сгустился до предела, показывая, что не отпустит невольную беспечную жертву. Я будто угодила в тесные паутинные силки, не дающие мне пошевелить и пальцем.

– Хлоя!.. – В голосе Анны послышались слезы. – Пожалуйста, не надо!..

Две фразы. Мне оставалось произнести всего две фразы. И я с ужасом осознавала, что сделаю это. У меня не было сил сопротивляться той воле, которая захватила мое тело и разум.

Внезапно раздался звук распахиваемого настежь окна, и мне в лицо ударило порывом свежего ветра. Тьма недовольно взбурлила, вскипела, раздраженная чужим вмешательством. А я уже открыла рот, чтобы на одном дыхании выпалить финал. Но не успела. В следующее мгновение неведомая сила приподняла меня за шиворот, словно напроказившего котенка, хорошенько встряхнула и откинула далеко в сторону от стола.

Я отлетела к стене и сильно ударилась головой, но создание не потеряла. Однако удар, по всей видимости, не прошел для меня даром. Иначе как объяснить тот факт, что я увидела всего в паре шагов от меня Лукаса. Правда, у него за спиной почему-то трепетали огромные призрачные крылья, словно сотканые из еще более плотной мглы, что плескалась в кабинете.

Лукас всего лишь взглянул на злополучную книжку – и та захлопнулась сама собой. А затем он разъяренно обернулся ко мне – и я испуганно вжалась в стену. Поскольку его глаза горели совершенно нечеловеческим красным пламенем.

– Мамочки, – успела прошептать я и благополучно лишилась чувств, не выдержав свалившихся на меня испытаний.

* * *

Я старательно пыталась убедить себя, что увиденное – всего лишь жуткий ночной кошмар. Вот сейчас я открою глаза и обнаружу, что лежу в своей кровати, а рядом сопит

Анна, и день только начинается...

– Вы чрезвычайно любопытная и глупая девушка, – укоризненно произнес над моей головой женский голос, безжалостно лишив меня малейших иллюзий по поводу произошедшего.

Я грустно вздохнула и боязливо приоткрыла один глаз, проверяя, где нахожусь и не грозит ли мне какая-нибудь опасность. Затем, убедившись, что никакая жуть не торопится нападать на меня, распахнула оба.

Я лежала на диване в гостиной. В кресле, стоящем у изголовья, удобно расположилась Герда, которая, заметив, что я очнулась, сразу же принялась укоризненно цокать языком и скорбно морщить лоб, всячески выражая свое неодобрение.

– Хлоя! – Анна, притулившая на полу рядом, приподнялась и радостно бросилась мне на шею. Я со вздохом нескрываемого облегчения обняла сестру. Какое счастье, что с ней все в порядке!

– А еще найна Хлоя весьма везучая особа, – возразили Герде, и я окаменела, узнав насмешливые интонации. Перевела взгляд чуть в сторону – и вздрогнула, увидев Лукаса. Он стоял около каминной полки и с ленивым интересом изучал портрет моей прабабки, будто бы не обращая на меня ни малейшего внимания.

Как-то сразу вспомнился его взор, пылающий демоническим пламенем. И я едва не закричала от испуга, когда Лукас медленно повернулся в мою сторону.

Хвала Бригиде, на сей раз его глаза были привычного синего цвета.

– Лукас спас тебя, – прошептала Анна мне на ухо, не торопясь выбираться из моих объятий. Тихонько прыснула от смеха. – А потом он перенес тебя сюда на руках. Так мило!

Я так не считала. Мои щеки от подобной новости заметно потеплели от смущения.

– Что произошло? – хрипло спросила я, обращаясь сразу ко всем присутствующим.

Анна удобно примостилась около меня, не торопясь вставать. С интересом посмотрела на Герду, а та, в свою очередь, переглянулась с Лукасом.

Пауза в комнате слишком затянулась. Никто не желал первым начать объяснения.

– Герда, – наконец медленно протянул Лукас, обращаясь к моей новой помощнице, – пожалуйста, приготовь нам кофе. Полагаю, найна Хлоя не откажется от глотка чего-нибудь горячего.

– Как скажешь. – Женщина послушно встала со своего места, и я удивленно вскинула брови от этого обмена репликами. Получается, Лукас и Герда хорошо знакомы, раз уж не считают нужным придерживаться при разговоре друг с другом необходимых правил этикета и спокойно обращаются друг к другу столь фамильярно.

А Герда между тем наклонилась к Анне и тепло ей улыбнулась.

– Пойдем, – проговорила она. – Заодно сделаю тебе горячего шоколада.

Анна мигом слетела с дивана. Да, Герда знала, чем поманить мою сестренку: за сладости та могла бы продать душу отродью Альтиса.

Спустя несколько секунд мы остались наедине. Я торопливо села, подумав, что будет как-то неправильно разговаривать с почти незнакомым мужчиной лежа. Провела рукой по растрепавшимся волосам, пытаясь их пригладить и создать хоть какое-то подобие приличной прически, но затем отказалась от заведомо проигрышной затеи. С моей густой шевелюрой такой фокус не проходит, надо брать расческу и заниматься всем этим серьезно. Вряд ли это уместно сейчас.

Лукас неторопливо двинулся по комнате, не обращая ни малейшего внимания на мои

телодвижения. Вновь остановился напротив камина и поднял голову, в очередной раз посмотрев на портрет Элизы Этвуд.

Я не торопила его, хотя, что скрывать, мне было очень интересно, о чем он собирается мне поведать. Однако замечание Герды о моем неумном любопытстве царапнуло меня, заставив вспомнить о хороших манерах. Помнится, добрая верная Мари тоже частенько выговаривала мне, что девушкам из приличных семейств не пристало иметь столь живой и непосредственный нрав. Я порой смущала окружающих неудобными вопросами, и меня наказывали за это, оставляя без ужина или заставляя наизусть учить целые главы из скучных и чрезвычайно нравоучительных поэм.

– Найна Хлоя, – сказал Лукас, и я моментально вернулась в реальность, отвлекшись от воспоминаний о своей непростой жизни в пансионе, – что вы знаете о своей прабабушке?

– Немного, – честно ответила я. Подумала пару секунд и исправилась: – Точнее, совсем мало. Я никогда не видела ее при жизни, хотя каждый канун праздника перемены года получала подарок. Обычно – теплый свитер и домашние сладости. Но она никогда не предлагала приехать к ней в гости, хотя наверняка знала, что в доме отчима мне, мягко говоря, не рады. Не изменилось это и после того, как Генрих окончательно перестал приглашать меня, и я была вынуждена проводить все каникулы в пансионе.

– Вы воспитывались не в семье? – Лукас резко развернулся ко мне, пораженный таким фактом.

– Мой отец погиб, когда я была еще совсем маленькой, – сухо пояснила я, не имея особого желания вдаваться в подробности своей маленькой семейной драмы. – Я его совсем не помню. Мать вскоре вновь вышла замуж, а я пришлась не ко двору. Частая история.

– Так вы с Анной не родные сестры? – искренне изумился Лукас.

– А разве это незаметно? – в свою очередь удивилась я. – У нас разные отцы.

– То есть Анна не принадлежит роду Этвуд? – на всякий случай переспросил Лукас и без того очевидную вещь. Я в ответ кивнула, и он присвистнул, видимо, не ожидая подобного.

Если честно, я не понимала причин такого удивления. Да, разводы в нашей стране не приняты, но вторые браки – не такое уж редкое дело. К сожалению, люди смертны, а любовь до гроба встречается лишь в романтических сказках, где обычно живут долго и счастливо и умирают в один день.

– Странно, – протянул Лукас. – Очень странно. Я готов был поклясться, что...

Однако фразу он не завершил. Лишь устремил отсутствующий взгляд поверх моей головы, о чем-то глубоко задумавшись.

Я тихонько кашлянула, напоминая о своем присутствии, и Лукас спросил, продолжая пристально разглядывать противоположную стену:

– Родители Анны живы?

– Наша мать умерла несколько недель назад, – сухо проговорила я, не понимая столь пристального интереса к моей семье. – И тогда же Анну отослали в пансион, где чуть раньше обучалась я. Узнав об этом, я отправилась забрать ее. Благо, что ее отец – Генрих Мюррей – был лишь счастлив избавиться от дочери и передать ее под мою опеку. В пансионе меня ожидало письмо прабабушки, приглашающее меня сюда. Собственно, так мы здесь и оказались.

Лукас кивнул, словно предполагал нечто подобное.

– Надеюсь, я удовлетворила ваше любопытство, – холодно проговорила я. – Теперь ваша очередь отвечать на вопросы, не так ли? Кажется, вы собирались мне объяснить, что именно

произошло в кабинете.

– Скажите, как вы открыли эту книжку? – Лукас самым невежливым образом ответил вопросом на вопрос. Бережно достал из кармана сюртука плотный сверток из ткани, положил его на невысокий столик около дивана и аккуратно развернул.

Я заметила, как при этом простом действии его лицо исказила гримаса отвращения, будто перед ним находилась не обычная записная книжка, весьма потрепанная временем, а нечто гадкое и противное.

– Не понимаю. – Я пожала плечами. – Что значит – как открыла? Молча. На переплете ведь нет никакого замка.

– Вот так вот просто? – Лукас недоверчиво вскинул брови. – И ничего не произошло?

– Ну, чуть ранее я уколола палец об эти иглы. – Я протянула было руку, чтобы потрогать металлические иглы, топорщащиеся с обложки, но Лукас опередил меня, резко отодвинув книжку подальше.

– И вы испачкали переплет кровью, – скорее утвердительно, чем вопросительно протянул он.

Я промолчала. Честно говоря, я уже забыла об этом обстоятельстве. Благо, что палец не болел и никак меня не беспокоил.

– Что же, поздравляю вас, – со странной интонацией сказал Лукас. – Вы потрясающе везучая девушка!

– Это я уже слышала, – напомнила я. – Но хотелось бы узнать подробнее, в чем же заключается моя неслыханная удача?

– До сего дня я не слышал о счастливицах, которым бы повезло выжить после ритуала вызова слуги Альтиса. – Лукас криво ухмыльнулся одной половинкой рта. – Да, вы не закончили читать заклинание, но вам оставалось всего лишь слово. Бездна уже распахнула перед вами свои приветственные объятия. Скажите, вы слышали неторопливую поступь демона, отправленного по вашу душу?

Я невольно вспомнила ласку ожившего мрака, неразборчивый шепот во тьме, призывающий меня. Неужели это все было реально?

– Но я не понимаю, – жалобно пробормотала я, содрогнувшись от этих мыслей. – Получается, моя прабабушка практиковала темную магию? Она была ведьмой?

Лукас так долго молча смотрел на меня, что под конец паузы мне хотелось закричать во все горло, лишь бы оборвать эту затянувшуюся пытку.

– Это будет долгий разговор, найна Хлоя, – наконец тихо произнес он. – Вы готовы услышать правду? Боюсь, она может вам не понравиться.

– Готова, – твердо сказала я без мига промедления.

– Ну что же. – Лукас подвинул кресло и сел напротив. Задумчиво потер лоб, явно соображая, с чего начать.

– Почему в книжке моей прабабушки была родословная вашего рода? – решила я ему помочь.

– Вопрос не в бровь, а в глаз. – Лукас невесело усмехнулся. – Найна Хлоя, вы что-нибудь знаете про магов?

Я в ответ лишь недоуменно покачала головой. Если честно, до сего дня я даже сомневалась в их существовании. Нет, я знала про всякие магические штуки, как, например, тот же огненный камень, которым вчера удачно похвастался Дуглас, и шары, освещающие богатые дома в темное время суток, но как-то не задумывалась о том, как именно их делают.

В любом случае, они были слишком дороги для меня, чтобы я имела возможность изучить их и понять способ действия.

– В Батфилде я была знакома с одним медиумом, – осторожно произнесла я, вспомнив эксцентричного знакомого Джоанн, которого обычно приглашали на так называемые спиритические сеансы. Но, говоря откровенно, я частенько замечала, что он намеренно двигает доску, желая продемонстрировать свои способности. Впрочем, я не сомневалась, что и сама Джоанн это видела. Однако медиум был весьма импозантным мужчиной и отличным собеседником с неплохим чувством юмора, к тому же принадлежал к знатному роду, поэтому на его причуды в обществе смотрели сквозь пальцы. Как говорится, у богатых свои развлечения.

– Ах, оставьте! – Лукас раздраженно отмахнулся, без особых проблем уловив сарказм в моем признании. – Вы наверняка понимаете, что имели дело с шарлатаном. Я говорю про настоящих магов.

– О таких, как вы? – с иронией поинтересовалась я. – Нет, таких не встречала. Если, конечно, не принимать во внимание Анну. Ее таланты меня иногда... удивляют. Но задвигать засовы на расстоянии она не умеет.

– Да, ваша сестра – уникам, – серьезно согласился Лукас. – И мне еще предстоит придумать, что же с ней делать.

Прозвучало это несколько угрожающе, и я ощутимо напряглась.

– Если вы хоть пальцем прикоснетесь к Анне, – зашипела я, готовая кинуться на него и выцарапать глаза, – если только посмеете как-либо обидеть ее...

– Успокойтесь, – кратко осадил меня Лукас. – Я и в мыслях не имею обидеть вашу сестру. Но с ее даром надлежит разобраться. Надеюсь, вы не будете возражать против этого. Впрочем, речь сейчас не об этом. Вернемся к нашим баранам, то бишь магам.

Я невольно улыбнулась столь образному сравнению, и Лукас продолжил чуть мягче:

– Видите ли, найна Хлоя, маги в действительности весьма редки, поэтому нет ничего удивительного в том, что вы ни разу никого не встречали из этой братии. А возможно – и встречали, просто остались в неведении. Мы не любим кичиться своими талантами.

Я вспомнила прошедшую ночь и то представление, которое мне устроил Лукас, однако удержалась от ехидного замечания. Лучше не стоит, а то вдруг обидится и вообще ничего не расскажет.

– Наверное, оно и к лучшему. – Лукас невесело усмехнулся. – К тому же не каждому таланту суждено развиваться без должного присмотра. Поэтому многие люди так и умирают в счастливом неведении о своем даре.

– То есть не каждый рожденный магом в итоге становится им? – на всякий случай переспросила я.

– Да, – кивнул Лукас. – Бывают, конечно, уникамы, способные развить свой дар самостоятельно, но, честно говоря, я о подобных случаях читал лишь в книгах. Но не суть. Важно то, что если ты маг – то постоянно подвергаешься разнообразнейшим испытаниям силы воли. Так легко наколдовать себе сколько угодно золота, воспользовавшись иллюзорным заклинанием. Так просто подчинить своей воле другого человека, заставив его выполнять любые твои приказания. И так элементарно убить обидчика, всего лишь прищелкнув пальцами. Вы понимаете, найна Хлоя, какое искушение несет в себе магический дар?

– Еще как, – протянула я, не сумев скрыть нотки ужаса в голосе. – И как же вы с этим

справляетесь?

– Ну, во-первых, чем больше знаешь – тем больше тянет узнать. – В голосе Лукаса послышались непривычные мечтательные нотки. – Видите ли, найна Хлоя, чаще всего маги полностью погружаются в работу. Кто-то создает амулеты и разные магические вещи – и счастлив от этого. Причем счастлив не из-за денег, которые приносит подобное занятие, а платят за это, уверяю вас, весьма и весьма неплохо, но именно из-за самого процесса. Когда металл начинает петь под твоими пальцами, то ты чувствуешь, как твоя душа отрывается от тела и воспаряет к небесам...

Менее всего я ожидала от Лукаса настолько поэтического повествования, поэтому слушала его, затаив дыхание. Сдается мне, он сам некогда занимался именно этим. Наверное, в его жизни произошло что-то очень серьезное, раз он отказался от настолько любимой работы.

– А во-вторых? – несмело переспросила я, когда Лукас надолго замолчал, видимо, погрузившись в воспоминания о прежних временах.

– А во-вторых, маги обычно очень дорожат своей репутацией, – продолжил тот, с усилием отвлекшись от своих воспоминаний. – Для мага величайший позор в жизни, если его ученик начнет применять свои умения во вред остальным. Значит, не сумел разглядеть гнилую сущность, разгадать истинный облик того, который так много времени провел бок о бок с тобой. Еще есть магический университет, расположенный в Арилье, но там за учениками присмотр еще строже. Одно подозрение в недостойных занятиях – и тебя без разговора отчисляют. Да и не все туда стремятся. Если дар наследственный, а так обычно и бывает, то и в семье хватает наставников.

И опять в голосе Лукаса послышались непривычные нотки слишком сильной горечи, словно некогда он пережил то, о чем говорил.

– Некоторые люди умеют очень хорошо притворяться и скрывать свои настоящие мотивы, – осторожно заметила я, стараясь хоть как-то приободрить его.

– О да, – невесело хмыкнул тот. – Это уж точно.

Я ожидала, что он как-нибудь объяснит свои слова, но Лукас так зло взглянул на меня, что расспросы встали поперек горла. Пожалуй, не стоит углубляться в эту тему. Сдается, для Лукаса она – все равно что до конца не зарубцевавшаяся рана, каждое прикосновение к которой приносит страдание.

– Все это, безусловно, очень познавательно, – проговорила я. – Но какое отношение ваш рассказ имеет к записной книжке моей прабабушки и едва не случившейся трагедии?

– Как вы верно только что заметили, люди умеют притворяться, – сухо сказал Лукас. – Некоторые делают это превосходно. И потом, зло терпеливо и прекрасно маскируется под благо. Далеко не все темные маги встали на эту дорогу осознанно. Кто-то искренне собирался сделать мир лучше и чище, но, увы...

Я не совсем понимала, что имеет в виду Лукас. Одно было очевидно – это как-то затрагивало его лично. Такую горечь невозможно сыграть. Да и зачем ему устраивать спектакль передо мной?

– Так или иначе, но бороться со злом надо его же методами, – после секундной заминки продолжил Лукас. – Невозможно остановить темного мага, уже вкусившего вседозволенности и власти, лишь увещеваниями и уговорами. Даже более того – необходимо постоянно изучать своего врага, знать его оружие.

Я уже понимала, куда клонит мой собеседник, но отказывалась в это верить.

– Хотите сказать, что моя прабабушка была эдаким борцом со злом? – скептически спросила я, когда Лукас прервался на мгновение и облизнул губы, пересохшие после долгого разговора.

– Не совсем так, – мягко поправил меня он. – Видите ли, найна Хлоя, зло – притягательно. Оно прячет свой истинный облик под тысячью привлекательнейших масок, и очень тяжело разглядеть, что за мерзость скрывается на дне этой пропасти. Если обычный маг начнет изучать запрещенные заклинания, пусть даже с благими намерениями, то велика вероятность, что рано или поздно он сам переметнется на сторону слуг Альтиса. У вашей прабабушки не было магического дара. Но она обладала острым умом и сообразительностью, к тому же имела личные счеты к темным магам. И это помогало ей работать с запрещенными заклинаниями, вычленив из них главные составляющие компоненты. Как ни странно прозвучит, но она была, пожалуй, лучшим специалистом страны по культу Альтиса. И ее услугами пользовались многие мои знакомые. Понимаете, каждый маг вносит в рисунок заклятия что-нибудь свое. Это как личная подпись, доказывающая твое авторство. Достаточно было прислать вашей прабабушке описание того или иного ритуала – и через некоторое время она безошибочно давала ответ, кто и когда использовал похожие обряды.

Если честно, я не верила Лукасу. Слишком его слова поражали воображение. Моя прабабушка – борец с темными магами и демонами? Бред какой-то! Да, я ее совершенно не помню, но менее всего могла представить в этой роли почтенную пожилую даму, портрет которой висел над каминной полкой. С чего вдруг уважаемой женщине, принадлежащей к знатному роду и не нуждающейся в средствах, заниматься таким опасным делом?

– Так уж случилось, что вам не повезло наткнуться на книжку нейны Элизы, в которой она собирала описания самых опасных ритуалов, – серьезно сказал Лукас. – Да, на книге было установлено заклинание, должное защитить любопытных от ненужного знания, но вы укололи палец о шипы переплета. Думаю, охранные чары были завязаны именно на крови рода Этвуд, поэтому книга и открыла свои секреты перед вами. Вам просто безумно повезло, что вы не завершили вызов демона! Да и то, не уверен, что слуга Альтиса не услышал заклинания, ведь вам оставалось произнести лишь последнее слово. Поэтому будь я вами – то весьма бы насторожился.

– Намеряете, что на меня может напасть демон? – спросила я, и ледяные мурашки пробежали по моему позвоночнику.

– Намеряю, что на вашем месте я бы поостерегся оставаться в этом доме, – поправил меня Лукас. – Если демон и сумеет где-нибудь воплотиться в нашем мире, то именно там, где едва не совершился ритуал, поскольку тут пространство между двумя реальностями наиболее истончено. Конечно, со временем прореха затянется, но до того момента ваше присутствие здесь будет сильно раздражать слугу Альтиса. Демоны – чрезвычайно настойчивые твари, которые терпеть не могут, когда их законная добыча ускользает в последний момент. Ваш запах будет сводить его с ума, от чего он начнет бесноваться, пытаясь прорваться к вам и завершить начатое. Возможно, у него ничего не получится, но если заклинание было направлено на призыв демона из старшей когорты, то... Подумайте хорошенько, найна Хлоя, стоит ли так рисковать?

Мне стало не по себе. Да что там, за окнами еще вовсю светило яркое солнце середины апреля, а мне показалось, будто в комнате медленно, но неуклонно сгущаются сумерки, в которых, как оказалось, так любят скрываться жуткие потусторонние создания.

Но с другой стороны, я прекрасно понимала, к чему именно меня склоняет Лукас. И мне

все больше и больше не нравилась его настойчивость.

— Почему вы так не хотите, чтобы я вступила в наследство? — пожалуй, даже слишком резко спросила я. — И вы так и не объяснили, почему родословная вашего рода была нарисована в этой проклятой записной книжке. Как-то странно, не находите?

— В последние годы я несколько раз обращался к вашей прабабушке за помощью, — быстро ответил Лукас, словно только и ожидал этого вопроса. — Видимо, она собирала обо мне сведения. И это вполне объяснимо, учитывая специфику ее работы. Полагаю, Элиза Этвуд проверяла меня и мое происхождение, не желая помогать темному магу.

— Но вы говорили, что не были знакомы с моей прабабушкой, — попыталась уличить я его во лжи.

— Верно. — Лукас снисходительно кивнул. — Элиза Этвуд была осторожной и мудрой женщиной, поэтому предпочитала все дела вести на расстоянии. У нее было достаточно врагов, и врагов могущественных, так что она никогда не принимала клиентов на дому. Все заказы — только в письмах. Естественно, адресованных не сюда. Помнится, когда мне довелось вести с ней дела, то я писал в Батфилд. Видимо, там у нее имелись знакомые, которые пересылали все сюда.

Я вспомнила про Джоанн. Да, знакомые в Батфилде у моей прабабушки имелись, причем очень хорошие. Но я все равно не верила Лукасу. Слишком гладкими были его объяснения, словно он не раз и не два репетировал их, готовясь к возможным расспросам.

— И что там насчет наследства? — напомнила я свой первый вопрос, убедившись, что Лукас собирается сделать вид, будто забыл о нем. — Я не могу понять, по какой причине вы так упорно мешаете мне вступить в законные права.

— Я вам не мешаю. — Лукас с показным равнодушием пожал плечами. — Просто подумайте о себе и вашей сестре. Как я уже сказал, у вашей прабабушки было достаточно врагов, которые вряд ли успокоятся даже после ее смерти. Они вполне могут перенести свою ненависть на потомков Элизы Этвуд, решив уничтожить весь ее род. Рано или поздно, но кто-нибудь обязательно выяснит, где именно она жила. И к вящему своему удовольствию обнаружит здесь последних представителей ненавистного семейства. Нужны ли вам такие проблемы в самом начале жизненного пути? И потом, простите за излишнее любопытство, но я навел о вас справки. В деньгах вы не особо нуждаетесь, вполне сможете прокормить и себя, и сестру. Подумайте, найна Хлоя, и подумайте хорошо: стоит ли ради богатства ставить на кон столь многое?

Я резко встала, утомившись от навязчивых уговоров Лукаса. Шелестя юбкой, прошлась по комнате, затем остановилась напротив портрета прабабушки. Высокая седовласая женщина строго смотрела на меня. Интересно, какой Элиза Этвуд была в действительности? Улыбалась ли она, шутила, или же вечно носила на лице маску показной суровости? И почему она решила заняться столь необычной работой? Далеко не каждый мужчина рискнет посвятить всю жизнь борьбе со слугами Альтиса, а она была слабой женщиной, которая к тому же не нуждалась в деньгах. Из рассказа Лукаса было ясно, что моя прабабушка не обладала магическим даром. Тогда вдвойне непонятнее, что же заставило ее посвятить жизнь борьбе с колдунами. Она ведь наверняка прекрасно осознавала, что как только ее инкогнито окажется раскрыто, то тотчас же с ней расправятся, и расправятся жестоко. Но теперь я выяснила причину, по которой Элиза никогда не приглашала меня к себе и даже после окончания пансиона предпочла отправить единственную правнучку на другой конец страны. Беспокоилась о моей безопасности. Но неужели ей нравилось жить в постоянном

страхе за себя и своих родных? Так много вопросов и ни одного ответа.

– Моя прабабушка хотела, чтобы я приехала сюда, – медленно проговорила я. – Такова была ее последняя воля. И я не вижу причин, чтобы не выполнить ее.

– Вы получили приглашение в тот момент, когда Элиза Этвуд уже с год лежала в могиле! – В голосе Лукаса позвучала откровенная злость. Я услышала, как кресло скрипнуло, видимо, маг тоже встал. – А вдруг вас специально заманили в ловушку, чтобы потом убить?

– Тем более, – хмыкнула я. – Тогда получается, что враги Элизы уже видели меня. И спокойно расправятся со мной и вне стен этого дома, не так ли?

– Упрямица! – выругался Лукас.

– Упрямство всегда было отличительной чертой рода Этвуд, – парировала я. Обернувшись и посмотрела на Лукаса, с вызовом скрестив на груди руки. – Сьер Лукас, вы рассказали мне все? Или есть еще что-нибудь, что мне надлежит узнать о своей прабабке и ее занятиях?

Лукас долго молчал, вглядываясь в меня потемневшими от гнева глазами. Затем опустил голову и буркнул себе под нос:

– Все.

– Отлично. – Я позволила себе слабую усмешку. – В таком случае разрешите мне завершить этот разговор. Говоря откровенно, я чрезвычайно устала от такого обилия информации. Позвольте мне в тишине и спокойствии обдумать то, что вы мне рассказали.

– Во имя Бригиды, подумайте хотя бы о сестре! – сделал последнюю отчаянную попытку переубедить меня Лукас. – Она медиум, и медиум великолепный. А именно они так подвержены влиянию потусторонних тварей. Если вы останетесь в этом доме, то демон, весьма вероятно...

– Хватит! – ледяным тоном оборвала я его. – Вы и без того уже второй день подряд меня запугиваете. Прошу – достаточно. Мы как-нибудь справимся без вас.

– Ну-ну, – ядовито хмыкнул Лукас. – Я верю. Самое главное – больше не читайте вслух странные записи, которые вдруг найдете в бумагах Элизы Этвуд. Впрочем, я бы вам не рекомендовал вообще в них заглядывать, даже одним глазком, но вы ведь все равно не слушаетесь.

Я почувствовала, как краска смущения заливает мои щеки от столь справедливого упрека. Наверное, мне стоило бы поблагодарить Лукаса за то, что он спас меня сегодня. Но он ведь далеко не все мне рассказал. К примеру, что за призрачные крылья я видела у него за спиной в тот момент? И как он забрался через окно в кабинет, ведь тот находится на втором этаже? А ведь если спросишь – наверняка скажет, что мне все привиделось.

– И еще одно, – сказала я, решив проигнорировать заключительный выпад Лукаса. – Насколько я понимаю, вы с Гердой хорошо знакомы? Я думала, что ее отправил ко мне поверенный моей прабабушки, но теперь понимаю, что ошибалась.

– Беспокойтесь, что она может доставить вам проблемы? – моментально разгадал подоплеку моего вопроса Лукас.

– По-моему, вполне разумное опасение. Особенно если учесть вашу ночную выходку и разыгранный спектакль с якобы нападением призраков.

– Не беспокойтесь, – заверил меня Лукас. – Я уже осознал свою ошибку и обещаю, что впредь не буду прибегать к столь сомнительным методам. А Герда... Вы можете, конечно, отказаться от ее услуг. Но на вашем месте я бы не стал. Она – хорошая женщина. Действительно очень хорошая. И любит детей. Полагаю, Анне понравится с ней общаться.

При упоминании о сестре я вспомнила, что не видела ее уже достаточно давно. Вроде

бы Герда собиралась лишь приготовить чай, но времени, прошедшего с ее ухода, вполне бы хватило на то, чтобы сообразить настоящий званый ужин.

– Не буду вас больше задерживать. – Лукас хмыкнул, заметив, как я заволновалась. – Идите к сестре. Меня провожать не надо, не заблужусь.

– Еще бы, – не удержалась я от ядовитой шпильки. – Полагаю, прошлой ночью вы досконально изучили дом, воспользовавшись удобной возможностью.

– Уверю вас, я сделал это намного раньше, – с прохладной улыбкой заверил меня Лукас. – Кстати, как нога? Не тревожит?

– Благодаря вашей своевременной помощи – нет. – Я подумала немного и добавила с сарказмом: – Как говорится, сами едва не покалечили, сами и вылечили.

– Отлично. – Лукас никак не отреагировал на мою финальную реплику, хотя на какой-то миг его улыбка стала немного напряженнее. После чего почтительно наклонил голову, прощаясь, развернулся и вышел из гостиной. Вскоре до меня донесся звук захлопнувшейся двери.

– Чем дальше в лес, тем упитаннее упыри, – задумчиво пробормотала я после ухода. – Даже страшно представить, что же меня ждет дальше.

* * *

Вопреки моим дурным ожиданиям, остаток дня прошел мирно. Анну я обнаружила на кухне в компании с Гердой. Судя по всему, они не скучали: на столе радовал зрение и обоняние горячий яблочный пирог, только-только испеченный, а перед Анной стояла почти опустевшая тарелка с супом.

– Я решила не мешать вашему разговору, поэтому накормила девочку обедом, – предупредила мои вопросы Герда. Покосилась в окно, за которым небеса уже краснели, предвещая скорый закат, и с лукавой усмешкой поправилась: – Точнее сказать – ужином. Наверное, вы тоже проголодались.

Только сейчас я вспомнила, что за весь этот сумасшедший день успела лишь выпить чашку какао еще утром. Однако мне казалось неразумным начинать вечернюю трапезу, прежде не расспросив Герду о ее взаимоотношениях с Лукасом. Мало ли.

«Боишься, что она тебя отравит? – насмешливо шепнул внутренний голос. – Ну-ну. А сестру, значит, не побоялась с ней оставлять. Где логика?»

– Поешьте, – с ласковой настойчивостью посоветовала мне Герда. – Поговорить мы еще успеем. Весь вечер впереди, не правда ли? Или вы решили отказаться от моих услуг?

– Посмотрим, – неопределенно буркнула я. – Все будет зависеть от ваших ответов на мои вопросы.

Герда как-то виновато улыбнулась и повернулась к плите. Вскоре передо мной уже стояла полная тарелка наваристого куриного супа, и проблемы на какое-то время отошли на второй план.

Стоило отметить – готовить Герда умела, и умела хорошо. В отличие от меня ей этот процесс явно доставлял удовольствие. Я не успела заметить, как расправилась с первым, и она ловко поменяла тарелки, предложив мне еще и вкуснейшее овощное рагу.

Спустя некоторое время дошло и до десерта, в роли которого выступил все тот же яблочный пирог, и я в полной мере ощутила, что жизнь – прекрасна! Нет, Герда все-таки

поступила очень мудро, отложив разговор. Все-таки сытый человек куда умиротвореннее и добрее голодного. Естественно, после столь прекрасной трапезы мне совершенно расхотелось расставаться с чудесной помощницей. Ведь тогда придется заниматься всеми этими обедами и ужинами в одиночку, а мое искусство кулинарии, что уж там скрывать, оставляло желать лучшего.

– Итак, вы хотели со мной поговорить, – мягко напомнила Герда, когда я неспешно цедила горячий шоколад, и села напротив меня. – Что именно вас интересует?

– Как давно вы знакомы с Лукасом? – спросила я, решив начать с того, что казалось мне наиболее существенным.

– Достаточно давно, – уклончиво проговорила Герда. Помолчала немного и со вздохом продолжила: – Найна Хлоя, давайте начистоту. Лукас рассказал мне про свой глупейший поступок прошлой ночью. Я не одобряю подобных методов, но согласна с ним – вам не стоит оставаться в этом доме. Однако это решение вы должны принять сами. Поэтому я не собираюсь вас ни о чем просить или подталкивать к нужному мне решению и уж тем более принуждать. Я просто хочу быть рядом с вами на тот случай, если вдруг вам понадобится помощь. Только и всего. Клянусь Бригидой, да не оставит она меня без своей милости, я не причиню ни малейшего вреда ни вам, ни тем более Анне.

– Если вы давно знакомы с Лукасом, то, получается, вы родом не из Аерни? – продолжила я расспросы.

– Верно. – Герда кивнула. – Я прибыла сюда около месяца назад и все это время снимала комнатку в доме одной местной старушки. Поэтому, собственно, я и просила у вас разрешения оставаться в доме на ночь. Мне все равно, по большому счету, некуда идти.

– Получается, вы приехали сюда вслед за Лукасом? – уточнила я.

– Можно сказать и так. – Герда невесело усмехнулась.

Я терпеливо ожидала продолжения, но его все не было. Герда смотрела в окно, и ее глаза как-то подозрительно блестели, словно она из последних сил сдерживала слезы.

– Понимаете, найна Хлоя, – наконец, когда я отчаялась от нее уже что-нибудь услышать, глухо проговорила она, – я очень обязана Лукасу. И не спрашивайте – почему. Все равно не отвечу. Но в свое время он спас не просто мою жизнь, но мою душу. Поэтому я пообещала, что всегда буду рядом, сделаю все, что он попросит. И временный переезд в Аерни – самое меньшее, чем я смогла отблагодарить его.

– Но как к этому отнеслась ваша семья? – полюбопытствовала я. – Неужели она так легко отпустила вас?

– У меня нет семьи, – сухо ответила Герда.

– Но была, – неожиданно подала голос Анна. – Муж и дочь. Верно?

– Анна! – укоризненно воскликнула я, заметив, что Герда вздрогнула, как от удара.

– Но я вижу! – обиженно возмутилась Анна. – Почему я должна молчать, если знаю, что говорю правду? Они до сих пор стоят у нее за спиной.

Герда посерела лицом. На ее лбу заблестели крупные капли испарины, и несчастная резко обернулась, словно желая проверить истинность слов моей сестры.

– Аккуратнее! – Я вскочила на ноги, испугавшись, что она упадет со стула, потеряв равновесие. Покачнулась было к ней, но Герда уже повернулась ко мне, убедившись, что позади никого нет.

– Все в порядке. – Женщина с трудом выдавила из себя измученную блеклую улыбку. – Не беспокойтесь за меня, найна Хлоя. Просто ваша сестра застала меня врасплох. Она... Она

настоящее чудо.

– Да, только окружающие страдают от ее дара, – сказала я и украдкой пригрозила пальцем Анне, которая обескураженно переводила взгляд с меня на Герду и обратно, вряд ли понимая, с чего вдруг случился такой переполох.

– Она еще маленькая, поэтому вряд ли понимает силу своих слов. – Герда вздохнула, тяжело оперлась рукой на стол и встала. Шаркая ногами, подошла к окну и с измученным полустоном прижалась лбом к раме, будто страдая от невыносимой душевной боли.

Я наблюдала за ее действиями с немалой долей изумления и жалости. Понятия не имею, что за трагедия произошла в прошлом Герды, но одно очевидно – воспоминания о тех событиях терзают ее до сих пор.

– Да, у меня была семья, – неожиданно глухо прозвучал голос Герды. Она по-прежнему прижималась лбом к стеклу, словно мучаясь от приступа мигрени. – Муж и дочь погибли. И я виню прежде всего именно себя в их смерти. Полагаю, если бы не поддержка Лукаса – то вскоре я последовала бы за родными в царство теней, не выдержав разлуки и угрызений совести. Но он сумел убедить меня, что мертвые терпеливы. Они подождут, а у меня еще остались дела на этом свете.

– Простите, – только и сумела выдавить я, не зная, что еще сказать.

– Ах, это я должна просить у вас прощения. – Герда наконец-то отлепилась от оконной рамы и повернулась ко мне. Тыльной стороной ладони смахнула с щек слезы. – Извините, что не совладала с нервами. Мне стоило быть готовой к подобному повороту событий, ведь я провела с Анной целый день. Но она все равно умудрилась застать меня врасплох.

– Да, это она умеет. – Я посмотрела на сестру, которая, уже забыв о произошедшем, вновь вернулась к яблочному пирогу, положив себе еще один кусок.

– Впредь я буду начеку, – сказала Герда. Подумала немного и осторожно добавила: – Если, конечно, вы не пожелаете со мной расстаться.

Анна, услышав это, замерла, так и не донеся кусок пирога до рта.

– Не выгоняй Герду, – попросила она, уставившись на меня своими жуткими огромными глазами. – Пожалуйста! Она добрая.

Если честно, я уже давно приняла решение. Я не хотела расставаться с Гердой. Да, я знала, что она была каким-то образом тесно связана с Лукасом, который оставался темной лошадкой для меня. Я совершенно не представляла, что от него ждать, и, наверное, самым верным было бы выгнать возможного лазутчика предполагаемого врага из дома. Но сердце говорило, что я ошибаюсь. От Герды я не чувствовала никакой опасности. Напротив, рядом с ней мне было так хорошо и спокойно, словно я вернулась в детство, когда матушка еще заходила в мою комнату пожелать мне спокойной ночи.

– Если я узнаю, что вы плетете какие-либо интриги у меня за спиной... – сурово начала я, постаравшись придать себе как можно более грозный вид.

– О, не беспокойтесь насчет этого, – оборвала меня Герда. – Поверьте, я здесь лишь с одной целью – защитить вас.

Я кивнула, и Герда осталась в доме.

Но позже, когда Анна уже легла в кровать, а я при приглушенном свете магического шара еще читала какой-то дамский роман, выуженный из глубин здешней обширной библиотеки, сестра неожиданно спросила меня, сонно тараща глаза в потолок:

– А ты знаешь, что Герда тоже видит тени?

– То есть? – переспросила я, моментально отвлекшись от книги.

– Это она первой почувствовала, что ты в беде. – Анна зевнула и перевернулась к стене, невнятно пробурчав напоследок: – Закричала что-то и кинулась вверх. Я даже испугалась. Правда, успела раньше ее. Все-таки взрослые такие неповоротливые и неуклюжие!

Я ждала еще каких-нибудь слов, но Анна сладко засопела, моментально провалившись в сон. А я отложила книгу в сторону, моментально расхотев читать про очередную заурядную историю любви. Стоило признать, в моей жизни сейчас творились дела намного интереснее и загадочнее.

«Главное, чтобы все в итоге завершилось так же благополучно, как обычно завершается в книгах», – мудро произнес глас моего рассудка, и я не могла с ним не согласиться.

С этой мыслью я и уснула.

* * *

Ночь, как ни странно, прошла спокойно. Меня не потревожили никакие призраки или кошмары. Более того – уже давно я не спала настолько крепко. И снилось мне что-то очень и очень приятное, если судить по тому, что утром я открыла глаза с улыбкой на губах.

В чисто вымытое с вечера окно широкой рекой вливались солнечные лучи. Я немного понежилась под одеялом, слушая веселое утреннее чириканье птиц, затем обернулась к сестре, намереваясь разбудить лежебоку.

Анны рядом не было. Малейшие остатки дремы мгновенно слетели с меня, и я резко села, случайно скинув на пол подушку. В голове сразу же зароились десятки самых жутких предположений по поводу того, что могло случиться с моей сестрой в этом странном доме. Вдруг она обнаружила еще одну записную книжку Элизы Этвуд и сейчас заканчивает призывать демона?

От этой мысли мне окончательно подурнело, и я вскочила с кровати, почему-то напрочь забыв о том, что в жилах Анны не течет ни капли крови рода Этвуд. Я заметалась по комнате, поспешно одеваясь, но тут в дверь постучались, и я замерла со скомканным платьем в руках.

– Найна Хлоя, – послышался из коридора голос Герды, – вставайте! Мы с Анной ждем вас на крыльце. Надеюсь, вы любите блинчики с малиновым вареньем.

Я негромко рассмеялась, почувствовав, как сразу же стало легче дышать. Н-да, пожалуй, мне пора лечить нервы. Хотя ничего удивительного в страхе за сестру нет – слишком много приключений выпало на нашу долю за последние пару дней.

Завтрак прошел великолепно. Герда, видимо, проснулась достаточно давно, поскольку успела привести крыльцо в порядок – вымела с него остатки прошлогодней листвы, вымыла пол и вынесла из дома небольшой столик, возле которого кругом установила стулья.

Обычно неразговорчивая Анна радостно щебетала, перемазав себе весь рот вареньем и уплетая блинчик за блинчиком. Так я узнала, что сестра, оказывается, встала еще на рассвете. Сходила с Гердой за водой к колодцу, затем училась правильно замешивать тесто и следила, чтобы утреннее угощение не подгорело на старой чугунной сковороде.

Я с улыбкой слушала болтовню Анны. Даже не верится, что меньше недели назад я забирала ее из пансиона – заплаканную, бледную от переживаний и односложно отвечающую на любые мои вопросы. Стоило признать, я не ошиблась вчера в выборе, разрешив Герде остаться. Не знаю, действительно ли она видит те самые загадочные тени, о которых постоянно упоминает сестренка, но общение с ней явно идет Анне на пользу.

– Найна Хлоя, какие у вас планы на сегодня? – спросила Герда, воспользовавшись крохотной паузой в болтовне сестры, когда она взяла себе новый блинчик.

Я пожала плечами. Дел в доме было еще невпроворот, но я хотела изучить улицы Аерни. Так, развеяться и поговорить с местными. Мне не нравились некоторые моменты, прозвучавшие вчера в разговоре с Лукасом. И прежде всего я хотела узнать подробности смерти прабабушки. Правда ли то, что с ней кто-нибудь мог расправиться?

При всех моих усилиях я так и не смогла вспомнить, упоминал ли Дуглас причину смерти Элизы Этвуд. По всей видимости – нет. А спросить я не успела, слишком ошеломлена была известием о столь давних похоронах. Все-таки очень странно ехать к кому-либо в гости по личному приглашению, а по приезде обнаружить, что весть тебе послал мертвец.

«Если желаете, навестите местное кладбище. Думаю, вы без особого труда найдете ее могилу», – сами собой всплыли в памяти слова Лукаса. Интересно, на что он намекал? Или сказал это со злости, недовольный появлением наследницы рода Этвуд?

Так или иначе, но ясно было одно: мне следовало прогуляться по городку. Возможно, навестить здешнюю библиотеку и пролистать подшивку газет. Элиза Этвуд была знатной и богатой женщиной, наверняка я обнаружу какую-нибудь заметку или на худой конец некролог о ее смерти.

– Почему бы вам не пройтись? – словно угадала мои мысли Герда. – Загляните к тому же Дугласу Паттерсону. Наверняка ему будет интересно узнать, как вы устроились на новом месте.

– Да, пожалуй, – рассеянно согласилась я, занятая своими мыслями. Посмотрела на Анну, которая сосредоточенно наливала себе еще какао из старинного серебряного чайника.

– О вашей сестре можете не беспокоиться, – без особых проблем поняла причину моего краткого замешательства Герда. – Полагаю, мы чудесно проведем с ней время. Утром она показала себя очень усердной помощницей.

Я все еще сомневалась. С одной стороны, мне не хотелось весь день таскать за собой сестру. Наверняка она быстро устанет и начнет капризничать или кукситься. Или же опять напугает какого-нибудь соседа своими рассказами про призраков, а я бы не хотела, чтобы о нас начали ходить нехорошие слухи. Поэтому предложение Герды выглядело весьма и весьма заманчивым. Но с другой, я как-то опасалась оставлять Анну на ее попечение. Еще сутки назад я знать не знала эту женщину. А вдруг она меня обманет? Вдруг сбежит с Анной или каким-либо образом навредит ей?

«Не становись параноиком, – мудро посоветовал внутренний голос. – Если бы Герда хотела украсть Анну – то уже бы сделала это. Ей вполне бы хватило тех утренних часов, когда ты сладко почивала в кровати, а она возилась с твоей сестрой».

Тревога немного развеялась, но до конца не пропала. В конце концов, Герда каким-то образом связана с Лукасом, а от него всего ожидать можно.

«Тем более, – с сарказмом хмыкнул внутренний голос, – Лукас – маг. Если бы ему была нужна твоя сестра – то он бы ее уже получил безо всяких проблем и трудностей. Более того, и ты бы давным-давно со всей возможной скоростью покинула этот дом, затей он настоящую войну, а не всякие представления с якобы разбушевавшимися призраками в главных ролях. Но, по всей видимости, он решил проявить благородство, потому использует лишь законные методы».

– Найна Хлоя, я клянусь, что никогда и ни за что не причиню вреда вам или вашей сестре, – в третий раз подряд поразила меня умением угадывать мысли Герда. – Да пусть

поразит меня Бригида молнией, если я обманываю! Ваша сестра будет в полной безопасности рядом со мной.

– Хорошо, – еще немного сомневаясь, протянула я. – Я верю вам. Надеюсь, мне не придется жалеть об этом.

Герда вместо ответа лишь протянула руку и погладила Анну по голове. Ее глаза как-то странно заблестели, а я вспомнила вчерашний разговор. Интересно, сколько лет было ее дочери? И от чего она погибла? Впрочем, вряд ли я когда-нибудь осмелюсь спросить у нее об этом. Есть тайны, в которые лучше не совать свой любопытный нос.

* * *

Я ошибалась, считая Аерни деревней. На самом деле это был пусть небольшой и провинциальный, но все же городок со своей крошечной ратушей, роль которой исполнял старый покосившийся домишка, стоявший на главной и единственной площади. Помимо этого здесь расположилось несколько продуктовых лавок, почта и публичная библиотека.

Именно туда я и направилась первым делом, решив удовлетворить свой законный интерес и узнать хоть что-нибудь об обстоятельствах жизни и смерти моей прабабушки.

Я боялась, что двухэтажное каменное здание окажется закрытым в столь яркий солнечный день. Однако ошиблась. Стоило мне только постучаться – как дверь распахнулась и на пороге появился молодой взъерошенный парень моих лет в синей льняной рубаше навыпуск и очень пыльных штанах.

– Чем могу быть полезен? – отрывисто спросил он, пятерней пытаясь пригладить густую шевелюру.

– Это библиотека? – на всякий случай уточнила я.

В карих глазах паренька вспыхнул насмешливый огонек. Он ловко проскользнул мимо меня на улицу, задрал голову и громко с выражением прочитал по слогам:

– Биб-ли-о-те-ка.

Затем посмотрел на меня и с сарказмом протянул:

– Да, как ни странно, но это именно библиотека. Так чем могу быть полезен?

Я покраснела от неловкости. Вот ведь нахал!

– Я умею читать, – сухо сказала я.

– А зачем тогда задаете глупые вопросы? – Парень фыркнул от сдерживаемого с трудом смеха, и я покраснела еще сильнее. В этот момент я возненавидела и горе-остряка, и себя со своим глупым желанием порыться в прошлом городка, и даже Герду, так легко отпустившую меня на прогулку. Желание развернуться и сбежать стало просто-таки невыносимым.

– Гилберт! – в следующее мгновение раздалось из глубин дома. – Кто-то пришел?

Лицо парня исказила быстрая гримаса досады. Он как-то виновато втянул голову в плечи и сморщился так сильно, будто его пронзила неожиданная и нестерпимая боль.

– Гилберт, – прозвучал скрипучий женский голос уже ближе. – Кто там?

– Не обращай внимания, бабуль, – крикнул парень. – Просто заблудились и спрашивали дорогу. – И кинул на меня умоляющий взгляд, предлагая поддержать его ложь.

Однако я не собиралась этого делать. Досада на себя сменилась злостью на этого самого Гилберта. Я пришла изучить подшивку газет – и я это сделаю, как бы он ни выпроваживал меня прочь!

– Но я не заблудилась! – Как можно громче сказала я, рассчитывая, что незнакомая женщина в глубине дома услышит меня. – Я пришла в библиотеку!

– Пойдите прочь! – прошипел Гилберт. – Библиотека уже давно не работает.

– Да неужели? – огрызнулась я. – Что же тогда на доме делает вывеска, которую вы мне с таким выражением только что прочитали?

Настала очередь Гилберту краснеть. Он аж побагровел от возмущения, открыл было рот, чтобы высказаться, но не успел, поскольку именно в этот момент в дверном проеме появилась пожилая женщина, которая с явным усилием опиралась на сучковатую крюку.

– Заходите, милочка. – Незнакомка подслеповато прищурила блеклые от возраста глаза, спрятанные за толстыми стеклами пенсне. – Нечего на пороге стоять, коли пришли.

Я победоносно улыбнулась слегка сникшему Гилберту и воспользовалась любезным предложением, степенно войдя в дом.

– Не удивляйтесь, что здесь так тесно и темно, – прошамкала старушка и обвела рукой сумеречную прихожую, набитую всяким хламом и какими-то загадочными коробками. – Полагаю, менее всего это похоже на библиотеку, так?

– Ну... да, – согласилась я, с изумлением озираясь по сторонам.

– Дело в том, что идея создать в Аерни библиотеку была моей инициативой. – Старушка тяжело развернулась и побрела в глубь дома, постукивая своей палкой перед собой. – Все книги, собранные здесь, – моя личная коллекция. Сначала это был просто клуб по интересам, затем я стала приглашать всех желающих приятно провести время за чашечкой кофе и интересным чтением.

– Просто моя бабуля всегда была идеалисткой, – пробурчал Гилберт, идущий за мной. – Она сходила с ума от восторга, представляя, как будет делиться знаниями с любым, кто пожелает навестить ее.

Я бросила на парня озадаченный взгляд через плечо. Он произнес это с такой горечью, словно ему очень не нравилось то, чем занималась его самоотверженная бабушка.

– По-моему, это и в самом деле чудесно, – негромко заметила я, обращаясь прежде всего к нему, поскольку владелица библиотеки погрузилась в какие-то свои раздумья, продолжая неспешно вести меня по темному коридору. – Не все имеют деньги, чтобы покупать книги. И просто замечательно, что у этих людей благодаря энтузиазму вашей бабушки появилась возможность читать их бесплатно.

– Ну-ну, – скептически хмыкнул Гилберт. – Посмотрел бы я, как вы запели, уважаемая найна, если бы в вашем доме с утра до ночи толклись совершенно незнакомые личности. Да ладно бы просто толклись! Куда страшнее, что у нас постоянно пропадали вещи. И не только книги. Тащили все подряд. Самое противное, что это делали не какие-нибудь заезжие проходимцы. Нет, найна, страшнее всего, что к нам очень редко приходили незнакомцы. Да и то бабушка обычно с них глаз не спускала. Но все менялось, когда нас навещали ее многочисленные подружки. Именно после их визитов я обычно и недосчитывался чего-нибудь редкого и ценного.

– А что ваша бабушка говорила на это? – Я озадаченно уставилась в спину старушки, которая все еще ковыляла впереди меня по коридору, казавшемуся бесконечным.

– Ничего, – обиженно ответил Гилберт. – Утверждала, что ее знакомые не способны на такую мерзость. Мол, наверное, это она куда-нибудь засунула ту или иную вещь и запомновала об этом. Однажды даже обвинила меня – не перепродаю ли я украдкой книги на сторону. Я несколько лет с ней после этого не разговаривал, уехал в Дантон – соседний

городок. Но потом пришлось вернуться. Бабуля за это время совсем сдала. Не мог ведь я оставить ее без помощи! Однако к моменту моего возвращения ценного в доме почти не осталось. Впрочем, сейчас сами все увидите.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Примечания

В Итаррии принято деление населения на четыре сословия. К высшему принадлежит духовенство. К первому – дворяне, которые могут быть как наследственными, так и получившими дворянство благодаря особым заслугам перед короной. Для людей, входящих в этот круг, приняты обращения: нейн и нейна – для женатого мужчины и замужней женщины, найн и найна – для, соответственно, не состоящих в браке. Ко второму сословию принадлежат горожане и зажиточные крестьяне, способные купить себе право на фамилию. Для этой части населения принято обращение съер и съерра. И, наконец, к третьему, самому низшему сословию принадлежат люди, не имеющие фамилии.